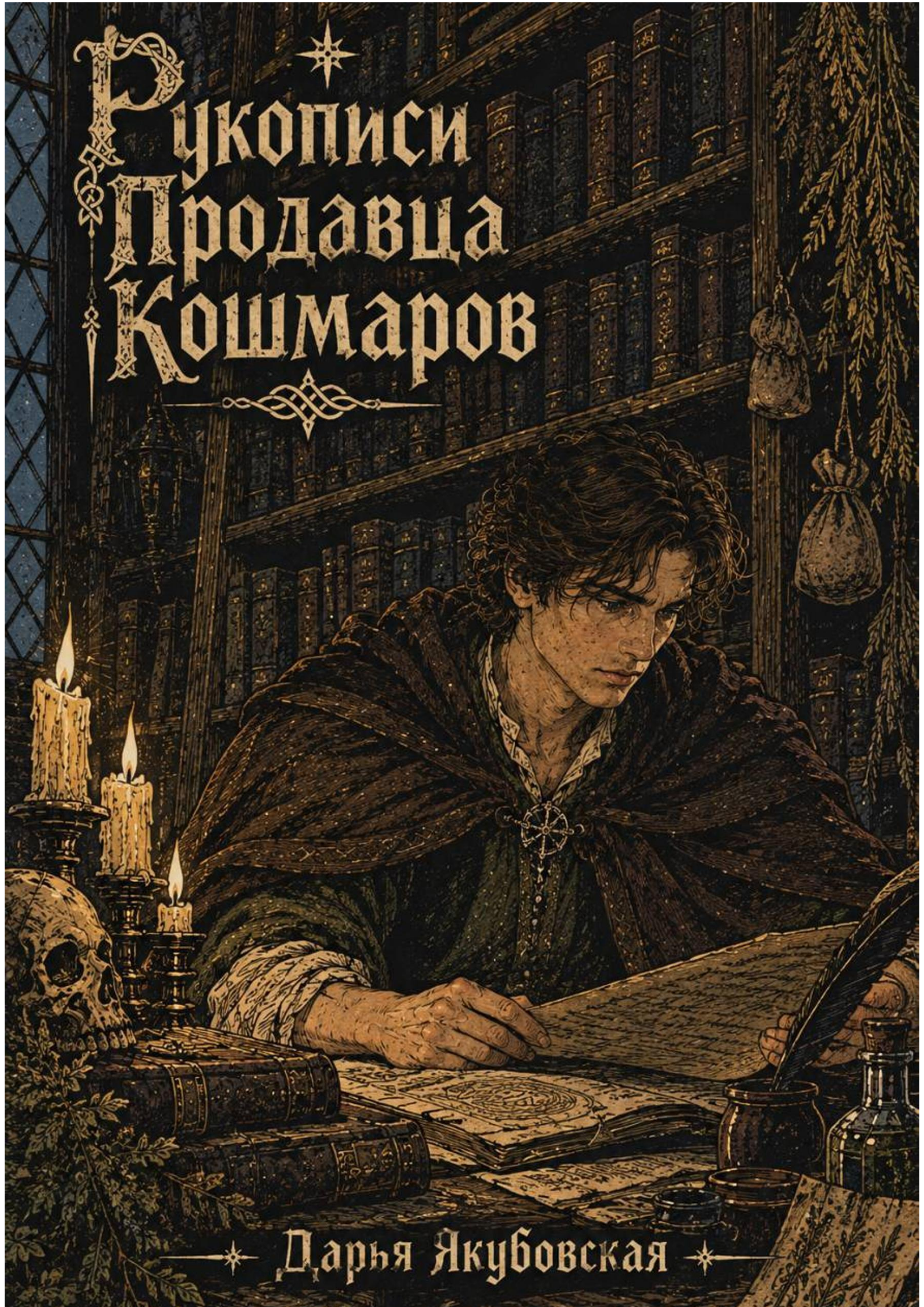

A detailed illustration of a man with long, dark, curly hair, wearing a dark, textured cloak with a silver brooch, sitting at a desk in a dimly lit library. He is looking down at a large, open book with intricate drawings. On the desk, there are several lit candles in ornate holders, a human skull, a quill pen in an inkwell, and other books. The background shows tall wooden shelves filled with many books. The title is written in a large, ornate, gothic-style font at the top left, and the author's name is at the bottom center, flanked by decorative stars.

Р у к о п и с и П р о д а в ц а К о ш м а р о в

— ★ — Дарья Якубовская — ★ —

Дарья Якубовская

Рукописи Продавца Кошмаров

«Автор»

2026

Якубовская Д.

Рукописи Продавца Кошмаров / Д. Якубовская — «Автор», 2026

В городе, где у каждого есть свои секреты, прошлое никогда не остаётся похороненным навсегда. Спустя двадцать лет после загадочных исчезновений в лесу находят человеческие останки. Пока город пытается справиться с тревожной находкой, Генрих обнаруживает рукописи Продавца Кошмаров и дневник человека, чья история оборвалась слишком внезапно. Страница за страницей перед ним открывается мир средневекового города — с лекарскими тайнами, запретными знаниями, неразделённой любовью, религиозными страхами и людьми, которым однажды пришлось сделать сложный выбор.

© Якубовская Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рукописи Продавца Кошмаров

Глава 1

«С тех пор, как мне исполнилось девять, отец стал называть меня Кошмаром, а через несколько лет к этому слову добавилось ещё одно – Продавец. Постепенно это прозвище сместило моё имя и даже вышло за пределы нашей семьи. Все окружающие знали меня исключительно как Продавца Кошмаров».

Это были первые строчки рукописи, которую прочёл Генрих, найдя у своего нового знакомого по имени Йозеф. Но случилось это немного позже, а пока ещё он понятия не имел о том, кто такой Продавец Кошмаров, и какие истории ждут его впереди.

Генрих приехал в N в конце октября. Он показался ему грязным, холодным и мрачным. Но в этом не было ничего удивительного: небо затянуло облаками, моросил мелкий неприятный дождик. Дороги совсем размыло от дождей, кругом слышалось, как люди и лошади, которые тянули за собой повозки, месили слякоть своими ногами и копытами.

- Не подскажете, есть ли поблизости таверна? - спросил Генрих попавшегося на глаза мужчину.

- Там, - махнул он рукой и побрел дальше, даже не посмотрев в сторону Генриха.

Ветер усиливался, и молодой человек ускорил шаг, чтобы быстрее скрыться от навязчивой влажности. По пути ему встречались небольшие домики с маленькими окнами, некоторые из них имели прилавки, где выставлялись на продажу ручные изделия. Почти каждый дом имел свой знак, по которому можно было определить, каким мастерством занимается его хозяин.

Больше всего Генриха привлек прилавок с деревянной табличкой «Всякая всячина». Она показалась ему очень красивой. Когда-то давно табличка была зеленого цвета, сейчас же на ней виднелись лишь остатки её зеленого прошлого. Сама табличка представляла собой тончайшую резьбу по дереву. Генрих рассмотрел на ней котел, из которого вместо пара сыпалось множество мелких звёзд, образуя звёздную дорогу.

Затем взгляд Генриха пал на прилавок, где лежали разные травы, лоскутки ткани, веревочки, стояли маленькие пузырьки, а вдалеке даже виднелись засушенные куриные лапки. Все это вызывало в нём любопытство, но в то же время сильно настораживало.

Генрих пошел дальше и вскоре наткнулся на вывеску «Солнечная Луна». По форме эта табличка похожа на ту, что он видел несколько минут назад, однако здесь был изображён не котел, а луна и солнце, соединенные в одно целое. Подумав, что это должно быть таверна, молодой человек зашел внутрь и не ошибся. В таверне было темно, но на каждом столе стояла зажженная свеча, ставни забиты наглухо, чтобы ни один лучик света не проникал в это помещение.

Генрих огляделся. Посетителей было немного: компания из четырех мужчин за дальним столиком, пара работяг, которые, видимо, решили перекусить, идя домой с работы, и одинокий мужчина с кружкой эля. Молодой человек сел за свободный стол и придвинул свечку поближе к себе, чтобы согреть руки. Спустя несколько минут к нему подошел хозяин и представился:

- Ян Фрак, никогда вас тут раньше не видел, - его голос был немного грубоватый, но вполне дружелюбный, - я хозяин этой таверны.

- Генрих. Я только что приехал.

- Нужна койка? – поинтересовался Ян, - у меня как раз есть свободная. Вчера съехал один постоялец.

Генрих замотал головой.

- Спасибо, мне есть, где остановиться.

- Хорошо, Генрих. Тогда что желаете?

- Хотелось бы согреться от вашей холодной погоды. Я бы съел чего-нибудь горячего.
- Только что забили барана, уже начали готовить, - сказал хозяин и вытер о фартук кровь с руки.

Генрих кивнул в знак согласия, однако от жеста хозяина ему стало не по себе. Конечно, забить барана было обычным делом для человека, который работает на кухне, но вид крови и грязный фартук лишь нагнетали и без того мрачную атмосферу. Хозяин таверны ушел выполнять заказ, но вскоре вернулся.

- Кружка эля за счёт заведения, - он слегка улыбнулся, и Генрих заметил, что, несмотря на его суровый вид, лицо Яна Фрака выдавало его мягкие черты.

Одиноким мужчиной, сидевший неподалеку от нового гостя, с интересом его разглядывал, заставляя Генриха немного смущаться. Генрих думал, что делает что-то не так, не соблюдает местные правила этикета или оказался не в то время не в том месте. Некоторое время мужчина вёл наблюдение из-за своего стола, а затем встал и направился в сторону Генриха. Терзания гостя от этого только усилились. Мужчина указал рукой на свободное место и спросил разрешения сесть.

- Пожалуйста, - сказал Генрих и тоже указал рукой на свободную лавку.

- Я слышал, вы только что к нам приехали.

- Да, - кивнул Генрих, сделав глоток из огромной кружки, это снимало напряжение.

- Йозеф, - мужчина протянул руку.

- Генрих, - молодой человек не отказал в рукопожатии, подумав, что ему не мешают новые знакомства, которые в дальнейшем при хорошем раскладе могли бы перерасти в дружбу.

Генрих оглядел своего нового знакомого: на вид лет сорок, может, чуть больше, немного морщин на лбу, крепкое телосложение и крепкое рукопожатие, короткие рыжевато-каштановые волосы и тёмные глаза. Хотя, может быть, темноту глазам придавала темнота помещения – этого Генрих понять не мог.

- Скажите, Йозеф, здесь вообще выглядывает солнце? – молодой человек решил начать разговор с более-менее отвлеченной темы.

- О, конечно, бывает! – мужчина очень удивился. – Иногда мы не знаем, как спастись от знойной жары, но случается, что и дожди бывают сильные, и снег выпадает. Тогда народ становится более обособленный, все стараются спрятаться в своих домах и не выходить без надобности.

- Надо же, даже не подозревал, что мне предстоит познакомиться с такими нюансами. Йозеф слегка улыбнулся.

- Вы, наверное, думали, что приехали в типичный провинциальный городок?

Генрих кивнул.

- Да, я не ожидал от города чего-то особенного.

- Очень зря, - заметил Йозеф, - наш народ не похож на всех, мы разные, но в то же время одинаковые, мы каждый сам за себя, но в то же время мы живем как единое целое.

Все это нисколько не прибавляло ясности, а лишь вводило в заблуждение и без того шокированного Генриха. Реплику Йозефа прервал Ян, который принес обед.

- Приятного аппетита, - сказал хозяин таверны.

- Благодарю, - сказал Генрих, а затем подвинул тарелку поближе и, чтобы согреться, вдохнул горячий запах только что приготовленного мяса, - уверен, это очень вкусно.

- Кушай, дружище. Смотрю, ты уже познакомился с нашим главным местным продавцом, - Ян подмигнул Йозефу и снова слегка улыбнулся.

- Так, значит, вы продавец? – спросил Генрих, обращаясь к Йозефу.

Мужчина немного замешкался.

- Да, - ответил за него Ян Фрак, - он торгует в лавке «Всякая всячина», а знаешь, почему она так называется?

Генрих замотал головой.

Тогда хозяин таверны немного наклонился, чтобы его было лучше слышно, и ответил так, словно выдал самую секретную тайну этого города:

- Потому что наш Йозеф имеет в этой лавке абсолютно *всё*.

Генрих улыбнулся, он понял, что эти люди хорошо знают друг друга и, наверняка, находятся в дружеских или приятельских отношениях.

- Друзья! – начал он, обращаясь к людям в таверне, - не дайте соврать, скажите, что наш Йозеф – лучший торговец и самый настоящий на все руки мастер!

- Да-да!

- Точно!

- Йозеф, за тебя!

Раздался звук бокалов. Посетители таверны пили за лучшего продавца в их городе.

Генрих тоже хотел предложить выпить, но заметил, что Йозеф немного смутился.

- Не переживай, - шепнул Фрак, - он у нас всегда такой застенчивый.

Постепенно Генрих начал расслабляться, заметив дружескую атмосферу, царившую в таверне, и понял, что здесь он может чувствовать себя в безопасности, но вся эта таинственность и некая легендарность все равно держала его в напряжении.

- Ладно, не буду вам мешать. Отдыхайте, - сказал Ян Фрак, а затем, обратившись к Генриху, добавил: - Чувствуй себя как дома, но главное – не смотри на мою жену.

Фрак подмигнул гостям и удалился.

На мгновение Генриху показалось, что его мысль о безопасности была сделана весьма поспешно, однако Йозеф спешил его в этом разубедить:

- Не бери в голову, он вообще-то славный малый. Но на его жену и правда лучше не смотреть.

- Почему же?

- Не надо судьбу испытывать. Не смотри и всё тут.

Генрих понял, что в таверне явно что-то произошло.

- Ладно, - сказал он, - а что случилось?

- Не важно.

Этимися словами Йозеф дал собеседнику понять, что больше не желает касаться этой болезненной темы.

- Иногда надо принимать информацию просто так, не задавая лишних вопросов.

Генрих кивнул, хотя не был удовлетворён словами собеседника.

- Сколько вам лет, Генрих?

- Двадцать восемь.

- Всего лишь двадцать восемь. Что ж, в таком случае, вам простительны эти вопросы, но советую в следующий раз думать, прежде чем что-то говорить или спрашивать.

Замечание Йозефа не звучало грубо или вызывающе, оно, наоборот, помогло Генриху понять, что в новом городе ему предстоит жить по новым правилам, которые диктуют ему сами жители и уже давно случившиеся с ними ситуации.

Некоторое время мужчины сидели молча. Генрих вкушал пищу, которая получилась весьма вкусной, даже чувствовались нотки специй, которые, наверное, собирали с местных плантаций. Он даже успел подумать, что такая жизнь может иметь свои прелести. Ты работаешь в своей собственной таверне, знаешь всех местных, тебя все знают в ответ.

- Генрих, откуда вы приехали? – наконец спросил Йозеф.

- С юго-запада, там есть один городок, но он раза в два больше вашего, и там намного теплее, поэтому мне чужда ваша сегодняшняя погода.

- Вы приехали в самый разгар осени, дальше зима. Вам придется здорово утеплиться. Я слышал, вам есть, где остановиться.

- Да, здесь живет моя тётушка. Она попросила приехать и помочь в воспитании её дочери. Говорит, она совсем от рук отбилась, тётушка думает, что я смогу исправить ситуацию.

- Вы – воспитатель? – удивился Йозеф.

- Два года назад я окончил университет. У меня есть образование, и этого для моей тётушки уже достаточно, чтобы считать меня воспитателем, - Генрих улыбнулся, вспоминая наивность тётушки Тэри.

Когда мужчины закончили трапезу, Генрих был готов продолжать путь.

- Как вы думаете, - спросил он, - дождь уже закончился?

- Не знаю, - безразлично ответил Йозеф и потянулся за очередной кружкой эля.

После этих слов собеседники распрощались. Генрих пошёл своей дорогой, а Йозеф остался в таверне.

Дом тётушки Тэри находился недалеко от таверны «Солнечная Луна». Это был двух-этажный домик, похожий на все остальные. Единственное, что отличало его – большой балкон, который выпирал, создавая навес над крыльцом.

Тётушка Тэри самым гостеприимным образом встретила своего племянника и готова была утопить в объятиях.

- Здравствуй, мой дорогой Генрих, - на её глазах даже появились слёзы, - как же давно я не видела своих родных.

Родную тётю Генрих видел всего пару раз в жизни. Один – в далёком детстве, второй – когда был подростком. Тогда у тётушки Тэри уже была дочка, правда совсем крошечная. Тэри с трудом опустила свою сестру в чужой город, уж слишком она была привязана к месту жительства, а сестра полюбила купца и решила поискать счастья на чужбине. Связь с Тэри они всегда поддерживали, писали друг другу письма, но виделись крайне редко, от чего Тэри сильно грустила и чувствовала себя очень одинокой.

- Как поживает моя дорогая сестра?

- Всё хорошо, тётушка, - ответил Генрих, - а как ваше здоровье?

- Здоровье неплохо, только очень тоскливо на душе, что родных нет рядом.

Тётушка Тэри быстро накрыла на стол, поставила пироги, приготовленные по семейному рецепту, и кринку горячего молока.

- Тётушка, я не голоден, только что поел в «Солнечной Луне».

- Как так не голоден? Я всю ночь у печи стояла, готовилась встречать дорогого племянника, - возмутилась Тэри и подбоченилась.

Генриху пришлось сдаться.

- Ладно, только один пирожок.

- Другое дело, - улыбнулась Тэри, - а где один, там и второй.

Она присела рядом и стала разглядывать Генриха, пока он жевал свой пирожок. Взгляд тётушки Тэри немного смущал его, не привык Генрих к столь пристальному к себе вниманию.

Заметив легкий дискомфорт, Тэри пояснила:

- Не могу на тебя налюбоваться, до чего же на мать похож. В каждой складочке вижу свою сестру.

Генрих смутился ещё больше.

- Тётушка, а что с вашей дочкой? – он решил перевести тему разговора. – Где она?

- Пока на занятиях, в монастыре. Скоро должна явиться.

- А какая от меня требуется помощь? – спросил Генрих, перейдя уже к третьему пирожку, - Очень вкусные!

Тэри ласково улыбнулась. Какую же хозяйку не порадует комплимент про её стряпню?

- Не могу я с ней справиться, - она развела руками, - на уме не учёба, хочет носить короткие платья, обстричь волосы. Ужас. Никакой управы на неё нет. Тяжело мне без мужа её вос-

питывать. Царство ему небесное. Она же мой поздний, но такой долгожданный ребёнок. Сначала разбаловала, сама виновата, но, а потом опомнилась, только было уже поздно.

Генрих почесал затылок. Воспитанием девушек он ещё не занимался. Был на его попечении пару лет мальчик, но тот был смыслённый, всё схватывал на лету и очень хотел учиться.

- А разве в монастыре их не воспитывают? Они не читают Священное Писание?

- Воспитывают и всё читают, только вот как раз монастырь то меня и беспокоит, - тревожно сказала Тэри, - наш отец Бернард уже пожилой мужчина, сложно ему одному справляться с этой детворой, поэтому ему помогает один юноша Эрих, и Лилит безумно влюблена в него. А какая там учёба, когда под боком такой красавчик?

- Да ладно вам, тётушка! – Генрих махнул рукой. - Мало ли таких случаев. Девочки влюбляются, это нормально, потом вырастают и выходят замуж за других.

- Это я всё знаю, - засуетилась Тэри, - только этот Эрих, похоже, тоже влюблён в Лилит! Это уже ни в какие ворота не лезет!

- А вам он не нравится? Большая разница в возрасте?

- Да разница то как раз у них небольшая, он её всего года на три-четыре старше, меня больше беспокоит его отец.

- Отец? – удивился Генрих. – А он тут при чём?

- Ну... - замялась Тэри, - как бы тебе сказать... Пугает он меня немного. Станный мужчина. Я его ещё с детства помню. Он всегда странный был. Такой нелюдимый, грубоватый.

Тэри передёрнуло.

- Не знаю... Не внушает мне эта семья доверия. Не хочу, чтобы дочь с ними связывалась.

- И как же предлагаете нам поступить?

- Я думаю, надо забрать её из монастырской школы, пусть обучается на дому. А дома ты с ней будешь заниматься. Что скажешь?

Генрих снова почесал затылок.

- А на какой срок вы предлагаете мне остаться?

- Ну смотри, - с энтузиазмом начала Тэри, - Лили сейчас шестнадцать, думаю, за год мы её перевоспитаем, а затем подыщем мужа. Можешь потом возвращаться домой или остаться здесь. Я тебя не выгоню.

Генрих задумался.

- Я буду тебе платить, - добавила Тэри, - считай, что я нанимаю тебя на работу. А за жильё ничего брать не буду.

Молодой человек подумал, что предложение всё-таки неплохое, и недолго думая согласился.

- По рукам.

Тэри засияла. Быт может, теперь из дочери выйдет что-то путное. Осталось только сообщить ей, что с завтрашнего дня в школу она больше не пойдёт.

Глава 2

Ночевать Лилит пришла поздно. Тэри до полуночи не сомкнула глаз, ждала дочь, а потом сдалась и всё-таки задремала.

Лилит уже научилась бесшумно проникать в дом. Сначала Эрих подсаживал её, она забиралась на балкон, а дальше – в свою комнату.

Так было и в этот вечер. После занятий они любили убегать в лес, лежать на траве, плести венки из луговых цветов, а осенью собирать букеты из опавших листьев. Лилит любила романтику. Она знала, что мать не в восторге от её влюбленности, поэтому запрет в адрес их отношений с Эрихом придавал им ещё большего шарма. Отношения как в книжках – это то, чего так хотелось Лилит.

Эрих, наоборот, не думал о книжках и о красоте любви, он просто был влюблён и выполнял прихоти своей возлюбленной.

Обычно у него тоже получалось бесшумно проникнуть в дом, однако сегодня и мать, и отец встретили его на пороге. Дождь барабанил по крыше, Эрих встряхнул свой плащ, с которого посыпались капли, а на ботинках хлюпала грязь.

- Опят наследил, - ворчливо сказал Эрик, - Изольда, дай ему тряпку, пусть вытирает за собой.

На горизонте появилась худая женщина, которая заматывала себя платком от холода.

- Ты опять пропадал с этой девчонкой? – отец нахмурил брови.

- Ты же знаешь, зачем спрашиваешь, - ответил Эрик, протирая пол.

Эрик развёл руками.

- Сколько раз говорить с ней не связываться, одни гулянки на уме, работать кто будет?

- Отец, я работаю.

- Работает он! Я спрашивал у отца Бернарда, он говорит, ты только и делаешь, что занимаешься с этой Лилит, а там ещё полно других учеников!

- Отстань, я замёрз и хочу отдыхать.

- Сынок, держи горячего молока.

Изольда протянула руку с кружкой, но Эрик подвинул жену в сторону.

- Не маленький, - грозно сказал он, - чего ты с ним сюсюкаешься? Уже может сам о себе позаботиться.

Эрих ничего не ответил родителям и угрюмо пошёл в свою комнату. Молоко так и осталось в руках Изольды.

Эрик тоже отправился в комнату, махнув рукой. Он уже давно разочаровался в сыне, все его попытки сделать из него хорошего учителя не увенчались успехом. Эрик считал, что сын сам не знает, чего хочет, поэтому выбрал принять решение за него.

Эрих и правда не мог понять, чего ему хочется, но одно он понимал точно – его достали упреки и постоянный контроль отца. В монастыре Эрих часто видел отца, но что он там делал, Эрик никогда не рассказывал. Эриху казалось, что отец следит за ним, контролирует его работу, но Эрик всегда отрицал это и на вопросы сына отвечал коротко: «Не твоё дело». К тому же его отец никогда не был набожным человеком, не ходил на исповедь, не заставлял молиться перед едой, поэтому его появление в церкви казалось Эриху вдвойне странным.

Изольда сначала пыталась наладить отношения между отцом и сыном, но потом поняла, что всё это бесполезно. Когда-то давно она любила Эрика, но теперь их отношения стали привычкой. Сначала Изольду это беспокоило, но со временем она смирилась. Другие же люди живут как сожители, сможет и она.

Когда она только попала в этот город и встретила Эрика, не влюбиться в него было невозможно. Высокий темноволосый красавец, но при этом малоразговорчивый, нелюдимый. Эта

загадка и привлекла Изольду. Оглядываясь назад, она поняла, что Эрик вряд ли по-настоящему был влюблён в неё, скорее всего она просто удачно поймала момент их встречи. С Изольдой Эрик всегда был холоден, отстранён, его больше увлекали какие-то другие дела, про которые он никогда Изольде не рассказывал.

Рождение сына тоже не спасло их отношения. Имя для него тоже выбрал муж, хотя Изольда хотела назвать ребёнка иначе, мол, зачем выбирать сыну созвучное имя с отцом. Но Эрик был непреклонен и настоял на своём. Женщина уступила, чтобы не ссориться. Будущую профессию ребёнку тоже выбрал Эрик. И все важные решения в доме принимал именно муж. Изольда просто плыла по течению. Сначала её это удручало, но потом она привыкла.

Так и сегодня. Тяжело вздохнув, ей больше ничего не оставалось, кроме как покориться судьбе и дальше быть тенью своего мужа.

Кушать Генрих всегда ходил в таверну «Солнечная Луна». Фрак быстро запомнил нового посетителя и всегда с улыбкой подходил, чтобы узнать, что будет заказывать гость. Однажды Генриху довелось познакомиться с женой Яна Фрака. До Генриха уже дошел слух, что она была местной красавицей и, когда он её увидел, то понял, что ходившие слухи, полная правда. Она была стройна, всегда весела и очень приветлива. И даже роды четырёх детей не отложили след на её фигуре.

- Меня зовут Галатея, - сказала она, поднося кружку эля.

- А вы тоже здесь работаете? – спросил Генрих.

- Да, я жена хозяина, - Галатея показала рукой в сторону Яна Фрака.

Генрих кивнул.

- Ему очень повезло с женой.

- Спасибо, - она засмушалась и, поклонившись ушла к мужу.

Генрих заметил, как хозяин таверны обнял её и осмотрелся вокруг свирепым взглядом. Этот взгляд на лице Яна Фрака молодой человек видел впервые, но потом он ловил его каждый раз, когда жена Фрака выходила к гостям.

В таверне Генрих часто встречал Йозефа, с которым разговорился в свой первый день в этом сером городке.

- Йозеф, скажи, ты хорошо знаешь хозяина этой таверны?

- Как и все, - ответил он, - постольку поскольку.

- Неужели он так нелюдим? Мне казалось, что Фрак очень дружелюбный и гостеприимный.

- Отчасти - скромно согласился Йозеф.

Генрих сгорал от любопытства.

- Я надеялся на продолжение истории.

- Сколько ты уже здесь живёшь, Генрих? – резко спросил мужчина.

- Две недели.

- Неужели ты думаешь, что можешь узнать всех обитателей города за две недели?

Генрих пожал плечами, он об этом не задумывался.

- Наверное, нет, но я пытаюсь. Кто как не ты расскажет мне о людях этого города?

Йозеф улыбнулся.

- Нет, друг. Это не так работает. Людей надо почувствовать.

- Так, значит, ты мне не расскажешь о Фраке? – с досадой спросил Генрих.

- Нет, давай не сейчас.

Генрих принялся ковырять свою еду, продолжая сгорать от любопытства, какую тайну скрывает Ян Фрак. Возможно, в молодости он нарубил много дров и теперь ему стыдно он того, что он сделал. А может он натворил что-то в городе и теперь не хочет выходить из таверны,

не желая видеть это своими глазами. В обоих случаях образ получился очень даже романтический, но это были всего лишь фантазии Генриха.

Однажды, когда Фрак в очередной раз вынес порцию мяса, которую заказал Генрих, в таверну вошла одна женщина. Это была женщина неземной красоты, она не могла не приковать к себе внимание. На ней было длинное платье темно-синего цвета, черные кожаные перчатки и накидка с меховым воротником. Генриху показалось, что это был песец. Он не мог оторвать взгляд, она была слишком хороша и красива для этого заведения, и, судя по её одежде и грации, с которой она подошла к столику, эта женщина была ещё весьма и весьма богата.

Фрак тут же отскочил от столика и подошел к гостье. Они обменялись любезными взглядами, женщина что-то заказала и, когда хозяин ушел, её веселое выражение лица сменилось на грустное.

Вскоре к Генриху присоединился Йозеф. Молодому человеку не терпелось спросить его про эту удивительную женщину, но, вспомнив его отказ насчет рассказа о Фраке, он сразу же отбросил эти мысли, не желая ему навязываться.

Однако Йозеф все же вынудил Генриха спросить его об этой незнакомке, заметив, что они тоже обменялись взглядами, но уже более тёплыми, можно даже сказать, родственными.

- Кто эта женщина?

- Что? – сказал Йозеф, словно, не расслышал моего вопроса.

- Я спросил тебя, кто эта женщина?

- А-а, эта, - Йозеф так усмехнулся, как будто Генрих не мог о ней не знать, - она восхитительна, правда?

- Правда, - подтвердил Генрих, потому что в этом не могло быть никакого сомнения.

- Её зовут Эмилия Миллер, - сказал Йозеф и принялся есть свою похлебку.

Генриха снова удивило то, с какой легкостью его приятель отвечает на опрос, а потом делает вид, будто ничего не было.

- Йозеф, мне ни о чём не говорит её имя. Расскажи больше. Мне интересно. Я хочу узнать ваших жителей.

Йозеф оторвался от трапезы.

- Всё, что тебе нужно о ней знать – это то, что она самая порядочная, верная и преданная женщина из всех, которых я знал, - затем он запнулся и продолжил, - нет, пожалуй, в этот список можно еще внести мою мать.

Раньше он никогда не говорил о своих родителях, поэтому Генрих решил, что у него появился повод зацепиться за эту ниточку.

- Ну, хотя бы про мать расскажешь?

- Вот ты какой неугомонный. Ладно, про мать расскажу.

Совсем забыв о еде, Генрих по привычке наклонил свой корпус ближе к собеседнику, радуясь тому, что сейчас наконец-то услышит рассказ об одном из обитателей этого города.

- У меня две матери, - начал Йозеф и, увидав выпученные глаза Генриха, тихонько рассмеялся.

- Как это, Йозеф? – спросил Генрих, сгорая от любопытства.

- Одна – та, что родила, а другая – та, что вырастила. Вот и весь ответ.

Он уже взял ложку, чтобы продолжить обед, но Генрих остановил его:

- А дальше? Как они выглядели? Кем работали? Вообще, в какой семье ты вырос? Мне интересно, расскажи. Если мы приятели, то я должен знать хотя бы что-нибудь о твоей семье и жизни в целом, а пока я знаю лишь то, что ты работаешь в лавке «Всякая всячина» и постоянно обедаешь в этой таверне.

Крик души Генриха найти в том городе друзей поразил Йозефа, и он пообещал рассказать ему историю своих родителей, которых было у него целых четыре, а не как у всех обыч-

ных людей, но только после завершения трапезы. Генрих охотно согласился, тем более, что мужчина пригласил Генриха после еды прогуляться до его лавки.

Несмотря на то, что на улице была осень, погода радовала солнечными деньками. До первого снега было ещё далеко, но Генрих уже предвкушал, как красиво здесь будет вечером, когда эти хлопья станут падать на дорогу и тут же таять. Эта атмосфера казалась ему невероятной и волшебной.

По пути к лавке Йозефа, Генрих напомнил ему о своём обещании:

- А всё-таки, что там насчет матерей?

- Ах да, матери, как я уже говорил, их было двое. Одна меня родила и подкинула к дому в корзиночке, где я обрел новый дом. Этот дом был для меня единственным домом, все свою жизнь я никогда не менял места жительства, да и уже не собираюсь. Моя мать была еврейкой, отец, вероятно, тоже, но это лишь догадки. Ходят слухи, что кто-то видел, как из еврейского квартала выходила женщина с корзинкой, а потом благополучно исчезла. О моем еврейском происхождении говорит и моё имя.

Он остановился, кажется, задумался.

- Йозеф, - Генрих перебил его мысли.

- Да, Йозеф. Слышишь? Самое настоящее еврейское имя.

- Да... Наверное. А кто тебя так назвал?

- В корзинке была записочка, на которой уже было указано, что младенца зовут Йозефом. И мужчина, который подобрал меня, решил, что так оно и должно быть. Кстати, эта корзинка у меня еще осталась, хочешь, я покажу тебе?

- Конечно! – Генрих, как всегда, был вне себя от любопытства.

Было видно, что Йозеф очень трепетно относился к воспоминаниям о своей семье, его речь была какой-то особенной, словно, он вспомнил что-то такое, что любил очень-очень давно, но вспоминал об этом редко, и вот сейчас это что-то снова дало о себе знать.

Когда Генрих и Йозеф вошли в лавку, молодой человек сразу же узнал ту самую лавку «Всякая всячина», которую он заприметил ещё в первый день своего пребывания здесь. Снаружи она казалась мрачной и довольно странной, внутри все было точно так же, хотя какое-то ощущение чего-то домашнего и теплого Генрих всё же почувствовал, несмотря на многочисленные необычные вещи.

У Йозефа было очень чисто и прибрано. Каждая вещь стояла на своем месте, и Йозеф четко знал, где и что находится. Огромные шкафы вмещали в себя книги, банки, засушенные травы, камни, какие-то мешочки. В самых дальних уголках стояли вещи, которыми он пользовался редко, но даже там Генрих не обнаружил пыли. Было видно, что хозяин помещения придерживается порядка.

Йозеф заметил взгляд молодого человека и спросил:

- Ты удивлен, Генрих?

- Да, удивлен. Это невероятно! У меня не хватило бы терпения держать всё в такой четкой системе, убираться бы каждый день. Очень часто моя рука так и норовит поставить какую-нибудь вещь не на то место, где она стояла вчера. Поэтому я чертовски удивлен, Йозеф!

Мужчина улыбнулся.

- К такому порядку меня приучил отец.

- Тот самый, который нашел тебя под дверью?

Он кивнул и стал копошиться в ящике. Пока Йозеф искал корзинку, Генрих в очередной раз осмотрелся. Его с детства манили книги и чужие истории, именно поэтому пройти мимо стеллажа с книгами он не мог. Они были самые разные: большие и маленькие, тёмные и светлые, старые и новые. Каждая из них была уникальной, особенной.

Генрих провел рукой по их корешкам, чтобы лучше прочувствовать книги, захотел вдохнуть их запах, но подумал, что покажется странным со стороны, и решил этого не делать.

На верхней полке Генрих увидел неприметную на первый взгляд книгу, но почему-то именно она и привлекла его. Переплёт был явно сделан любителем, а Генрих любил то, что сделано своими руками. Пока Йозеф копошился в поисках корзины, Генрих привстал на цыпочки и дотянулся до книги. Обложка гласила «Рукописи Продавца Кошмаров». Звучит таинственно.

- Нашёл! – прокричал Йозеф и помахал корзиной.

Генрих машинально вернул книгу назад, словно боялся, что его заметят на месте преступления.

Корзинка и правда была довольно большая, куда мог поместиться ребёнок.

- Я очень люблю старинные вещи, - восхищенно сказал Йозеф. – Каждый раз смотря на них, мы смотрим на историю. Это удивительно. Я думаю, может, открыть в нашем городе небольшой музей старинных вещей? Что думаешь?

- Отличная идея, - ответил Генрих даже не раздумывая.

По большей части он и не слышал, что говорил ему Йозеф про свою корзинку и старые вещи, уж слишком Генриха привлекла самодельная книга.

- Йозеф, скажи мне, а кто такой Продавец Кошмаров?

- Продавец Кошмаров? – переспросил Йозеф.

- Ну да.

- Откуда ты знаешь это имя? – Йозеф был в замешательстве.

- Да так, пару раз слышал в городе, - соврал Генрих.

Йозеф вздохнул и отложил корзинку.

- Вообще-то Продавец Кошмаров – это мой отец.

Глава 3

Занятия с Лилит у Генриха продвигались с переменным успехом. Конечно, девушка была не в восторге от смены учителя, просила снова отдать её в монастырскую школу и несколько раз сбегала из дома для встречи со своим суженым. Тётушка Тэри продолжала причитать и ахать, но никаких мер не принимала, только волновалась и разводила руками.

На одном из занятий с Генрихом Лилит в очередной раз подняла тему монастырской школы.

- Я больше не хочу заниматься дома! Не буду дома читать книжки и писать, буду только в монастыре с Эрихом!

Её требовательный, но всё же детский тон больше вызывал улыбку, чем страх.

- Лилит, - спокойно ответил Генрих, - всё это мы уже обсуждали. Твоя мама настаивает на домашнем обучении, чем мы, собственно, и занимаемся.

- Не буду здесь заниматься! – Лили отбросила локон своих волос, который явно мешался ей на лице, и скрестила руки на груди.

- Может, стоит собрать волосы в косу или пучок?

- Вот ещё! – фыркнула девушка.

Тётушка Тэри, услышав буйства дочери, вошла в комнату и вlepила Лилит подзатыльник. Это был её максимум в наказаниях.

- Мааааа! – завопила Лили.

- А ты не спорь со старшими! Почему волосы не собраны?

- Ты же знаешь, мне так не нравится.

- Глупости! Берёшь дурной пример, зря я тебе рассказывала истории про Эмилию Миллер.

Тэри снова развела руками.

Генрих заинтересовался, тут уже ему стало не до занятий. Эмилию Миллер он на днях видел в таверне, но так с ней и не познакомился, хотя она его очень привлекла своей таинственностью.

- А кто это? – спросил он, чтобы попытаться разузнать про Эмилию Миллер побольше.

- О, это дама, от которой мой дочь просто в восторге, - недовольно ответила тётушка Тэри, - всё плохое взяла от неё.

Лилит скривилась от негодования, её явно задело, что мать так оскорбила Эмилию.

- Не говори о ней плохо! – заступилась девушка. – Эмилия – самая смелая женщина своего времени. Пока вы все подчиняетесь мнению общества, она идёт по своему пути, - с гордостью сказала Лилит.

- Идти то идёт, да только что с ней стало то! Вот куда привёл её этот путь бунтарства, - Тэри махнула руками.

Генрих ничего не понял, но ему было очень интересно.

- Тётушка Тэри, кажется, я видел Эмилию Миллер в таверне. Она не выглядела как бунтарка. Это очень статная женщина с дорогой одежде. Вы точно о ней говорите?

- Конечно, о ней. От этого богатства никакого счастья нет. В молодости ей надо было бегать босиком с короткими обрезанными волосами и играть с мальчишками. А сейчас... Столько всего случилось. И вот Лилит наслушалась этих историй и теперь ей тоже подавай распущенные волосы и короткое платье.

- Богатство, волосы... я что-о совсем запутался, - Генрих покачал головой.

- Ай, ладно, не вникай. Занимайтесь дальше.

Тётушка Тэри направилась к выходу, чтобы не мешать заниматься, но потом добавила:

- Она сегодня придёт ко мне за пирожками, можете познакомиться.

Вечером Эмилия Миллер действительно зашла.

Она снова появилась в дорогой красивой одежде. Чувство вкуса не покидало её. На голове шляпа, на руках кожаные чёрные перчатки и снова меховая накидка, которую Генрих уже видел в таверне.

Тётушка Тэри и Эмилия обменялись любезностями, что Генриху показалось довольно странным, ведь ещё несколько часов назад тётушка нелестно отзывалась об Эмилии, говоря, что именно из-за неё Лили проявляет свой дурной характер.

- Познакомьтесь, - сказала Тэри, - это мой племянник – Генрих.

- Очень приятно, - Генрих поклонился и легонько поцеловал руку Эмилии.

Та удивилась.

- Давно я не встречала таких воспитанных молодых людей, - она замерла на мгновение, словно этот жест откинул её в далёкие приятные воспоминания.

- Подожди минуточку, я принесу пирожки.

Тэри, переминая с ноги на ногу, побрела за пирожками. Передвигаться этой грузной женщине было тяжело, хоть она и старалась показать себя живчиком.

Генрих немного замялся. Перед ним стояла красивая женщина, на вид ей было около сорока-сорока пяти, но возраст не старил её, а наоборот украшал и придавал статности. Генрих обратил внимание на волосы – короткие, как и говорила тётушка Тэри. Видимо, она их так и не отравила.

Эмилия уловила нотки неловкости и решила первая разбавить обстановку:

- Генрих, а вы давно к нам приехали? Кажется, я вас раньше не видела.

- Нет, - Генрих слегка откашлялся, - я здесь около месяца. Приехал учить дочку моей тётушки.

- О, Лили! Я о ней наслышана. Тэри не раз жаловалась на её поведение.

- Да, вот, пытаемся воспитывать.

- Вы уже обзавелись друзьями? – спросила Эмилия.

- Я? – замялся Генрих. – Да, я познакомился с Йозефом... Не знаю его фамилии.

Эмилия улыбнулась.

- Йозефа знают все. Он торгует в лавке «Всякая всячина» прямо напротив, если что-то заболит, обязательно обращайтесь к нему. Его отец Продавец Кошмаров был врачом, замечательный человек! – Эмилия остановилась, словно вспомнила о чём-то сокровенном. – Он многому научил Йозефа, да и нас всех.

- О! – воскликнул Генрих. – Признаюсь честно, я и не замечал, что наши дома так близко. Пока ещё плохо здесь ориентируюсь.

Она слегка улыбнулась, но взгляд её погрузнел, видимо, она вспомнила что-то очень сокровенное.

- Обязательно приходите обедать в «Солнечную Луну» к Яну Фраку, у него лучшее мясо в городе! – она быстро оправилась и снова была готова поддержать беседу.

- Я там уже бывал, у Фрака и правда отличное мясо и отличное рагу.

Тут на пороге появилась Тэри и явно спасла Генриха от неловкости, ведь сам он бы никогда не придумал, что можно спросить у Эмилии Миллер.

- Вот, милая, твои пирожки.

Тётушка Тэри протянула кулёк с угощением, а Эмилия отдала ей несколько монет.

- Никогда не получалась выпечка, - пояснила она для Генриха, - а ваша тётя готовит лучшие пироги в городе.

Тэри даже залилась краской от такой похвалы.

Когда все распрощались, и входная дверь закрылась за спиной Эмилии, Генрих не смог удержаться и полюбостовал:

- Тётушка, ты была так любезна с Эмилией!

- Ну да! А что здесь такого?

- Ты же сама сегодня говорила о ней нелестные слова.

Тэри слегка скривилась.

- Одно другому не мешает. Она неплохая женщина, я помню её ещё из своего детства. Она всегда была не как все, всегда выделялась. Она часто приходила к моему соседу напротив.

- К Йозефу?

- И к нему тоже, но в основном она ходила к Продавцу Кошмаров.

- А кто это?

- Долгая история, - Тэри махнула руками.

Генрих ничего не понял. Снова этот Продавец Кошмаров, снова эта таинственность и загадочность, разгадать которую Генриху не по силам.

Они с Тэри постепенно переместились на кухню, Тэри собиралась накрывать на стол, пора ужинать.

- А что с Эмилией? Где она живет? Почему так шикарно одевается? Она явно выделяется среди всех остальных жителей.

Женщина вздохнула.

- Как выделялась раньше, так и сейчас выделяется. Она живёт за рекой, в богатой части города, у неё там целый особняк.

- А где её муж, дети? – настаивал Генрих. – Не может такая шикарная женщина быть одна.

- А ты что глаз положил? – съязвила тётушка Тэри. – Она уже старовата для тебя будет.

Генрих покраснел. Конечно, никаких видов на Эмилию Миллер он не имел, но и отрицать, что она не произвела на него впечатление не стал.

- Нет у неё никого, дольше всех отец продержался, но и тот, бедняга, несколько лет назад ушёл в мир иной.

- А богатство? – не унимался Генрих.

- Ну что богатство? – Тэри уже не выдержала и громко опустила тарелку. – Досталось по наследству. Что ты такой дотошный? Зачем прошлое ворошить?

Генрих был удивлён такой бурной реакции тётушки. Никакого злого умысла он в своих вопросах не видел, ему было просто любопытно. Слишком загадочны были все в этом городе, и никто не хотел посвящать Генриха в разгадки. Но одно он понял точно – ему обязательно надо раздобыть книгу с рукописями Продавца Кошмаров. Генрих был уверен, что в ней есть все ответы.

Наведавшись с Йозефу под предлогом светской беседы, он украдкой пробрался к той полке, где видел самодельную книгу, и ловким движением руки спрятал её в свою сумку. Сердце бешено колотилось, Генрих чувствовал себя настоящим вором, преступником. Намного проще было бы попросить у соседа почитать эту книгу, но внутреннее чутьё подсказывало Генриху, что Йозеф ни за что бы не согласился доверить ему такое. Если уж он не хочет посвящать его в подробности местной жизни, то уж добровольно отдавать книгу своего отца точно бы не стал.

Чтобы не вызывать подозрений, Генрих ещё немного посидел в гостях, а затем, попрощавшись, заперся в своей комнате, зажёл свечу и мигом погрузился в чтение рукописей.

С тех пор, как мне исполнилось девять, отец стал называть меня Кошмаром, а через несколько лет к этому слову добавилось еще одно – Продавец. Постепенно это прозвище сместило моё имя и даже вышло за пределы нашей семьи. Все окружающие знали меня исключительно как Продавца Кошмаров.

Это слово пришло к моему отцу не от злобы, а скорее от удивления. Любой другой человек, увидев что-то необычное, наверняка воскликнул бы: «Ничего себе!» или «Не может быть!», а вот мой отец всегда говорил одно слово – кошмар. Он был сторонником всего самого

обычного: обычные дела, обычная пища, обычное обустройство нашего дома и ещё куча всего обычного, что только может встречаться в жизни. При рождении он дал мне самое обычное имя по меркам того времени, но постепенно исключил его из употребления, заменив его прозвищем Кошмар. Пожалуй, это был самый необычный поступок, который когда-либо совершал мой отец.

Откровенно говоря, я понятия не имею, зачем начал писать эту историю. Наверное, ради самой истории, она и есть цель этих рукописей. Быть может, через много лет или даже веков потомки найдут их и узнают о том, что жил на свете некий лекарь по имени Продавец Кошмаров.

Так вот, продолжим.

Я всегда помнил моё настоящее имя, но остальные быстро о нём забыли, им нравилось называть меня Продавец Кошмаров, и я не хотел отбирать у них эту возможность. Вскоре я сам стал представляться таким прозвищем, но о том, как это было, я расскажу чуть позже, чтобы не сбиваться с хронологического порядка.

Когда мне стукнуло шесть, родители перестали меня сильно опекать и спокойно отпускали погулять около дома с соседскими ребятами, но ненадолго, ведь мне надо было помогать отцу. Большинство моих сверстников выходили гулять только во второй половине дня или не выходили вовсе. Я заинтересовался, где они пропадают всё это время, и выяснил, что многие дети моего возраста ходят в школу при монастыре, где им дают базовые знания. Я, конечно же, этим заинтересовался, ведь мне не хотелось отставать от товарищей. Пусть нам и было тогда пять-шесть лет, но все замечали, что я рос не по годам смыслённым и очень любознательным, поэтому точно не отказался бы от возможности получать знания.

О монастырской школе я узнал от мальчика Бернарда, который каждое утро пробегал мимо моего дома.

- Куда это идут все дети? – спросил я однажды.

- В монастырь святого Иакова, - ответил мальчик.

- Неужели детям может быть интересно в монастыре? – в то время я слабо понимал, что представляло собой это место.

- Интересно или неинтересно, - развел руками мой собеседник, - но родители это не спрашивают, они отправляют детей в школу, говорят, что мы должны уметь читать и писать. А ещё, - шепнул Бернард, - говорят, то там из нас сделают настоящих людей.

В тот день я узнал о существовании школы, которая находилась буквально под рукой, и твёрдо решил, что должен любым способом получить образование. Монастырь располагался в двух кварталах от нашего дома. Родители мало посвящали меня в дела религии, я знал лишь основные церковные праздники, такие как Пасха или Рождество, но мало понимал её истинное значение. Мать, конечно, старалась соблюдать все правила церковной жизни и несколько раз водила меня в тот самый монастырь на мессы. Отец всегда отказывался от подобных походов, считая, эту часть жизни абсолютно ненужной и бессмысленной. За это наша семья частенько встречала косые взгляды. Однако портить отношения с моим отцом в городе никто не решался, потому что он был лучшим лекарем во всей округе.

Больше всего отец ценил глубокие знания в какой-то отдельной области и считал, что этого человеку будет вполне достаточно для того, чтобы жить и кормить семью. Он знал всё о травах и лечебных снадобьях, все эти знания он получил от отца, моего деда, и возлагал на меня большие надежды. Однажды мне предстояло тоже стать лекарем и перенять те знания, которыми владел мой отец. Он считал, что школа была вовсе необязательной частью жизни каждого человека, ведь у разных людей разные пути, которыми им предстоит идти по жизни, а, следовательно, зачем мне нужна была школа, если я мог получить все необходимые знания дома? Он часто приводил в пример нашего соседа-кузнеца.

- У него нет образования, но зато он лучший кузнец в городе! – говорил отец.

Да, наш сосед, и правда, был лучшим кузнецом в городе, но я хотел развиваться со всех сторон.

Школа для отца была пустой тратой времени. Вместо того, чтобы читать книжки, учить Священное Писание, считать и писать, я должен был погружаться в мир трав, изучать их целебные и ядовитые свойства, учиться готовить растворы, настойки, и, стоит сказать, мне это нравилось, но всестороннее развитие я не исключал.

Осознав, что отец никогда не позволит мне посещать школу, я стал ходить в неё тайком. В первой половине дня, до обеда, когда отец совершал обход своих пациентов, я убегал в монастырь на занятия, придумав для мамы отговорку, что уходил гулять. Она радовалась, что у меня есть время на игры и прогулки, причитая, что у неё никогда не было настоящего детства, так пусть хотя бы у меня оно будет.

К обеду отец возвращался домой, а я прибежал с «прогулки». Случалось, правда, что пациентов было мало, в те дни я, конечно же, пропускал занятия, чтобы не вызывать гнев моего отца. Все пропуски я старался наверстать поздно вечером или даже ночью, читая книги с зажжённой одинокой свечой. Отец рано ложился спать и никогда не заходил в мою комнату перед сном, поэтому я не боялся оказаться разоблачённым.

Когда я пришёл на своё первое занятие в школе, для остальных детей это занятие, конечно же, было далеко не первым. Отец Фердинанд очень удивился новому ученику и пригласил меня занять свободное место на лавке.

- Присаживайтесь, располагайтесь, вам уже выдали учебник? – поинтересовался отец Фердинанд.

Это был довольно молодой священник, лет тридцати, может чуть старше. Прямая осанка, длинная шея, среднее телосложение, которое подчеркивала опрятная черная сутана. Тёмные волосы и светлая кожа и очень добрые глаза.

«Такому бы человеку гулять с девушками, а не служить в монастыре», - подумал я, но потом быстро вернулся из своей фантазии в действительность и покачал головой, тем самым отвечая на вопрос отца Фердинанда.

- Хорошо, тогда сегодня я попрошу поделиться с вами учебником Бернарда, он как раз сидит рядом с вами, но впредь, пожалуйста, не забывайте свой, - отец Фердинанд произнес это с определенной строгостью, но я понимал, что должен повиноваться, но никакой угрозы в свою сторону я не почувствовал.

Бернард ткнул меня локтем, приглашая присоединиться к учебе. Я уткнул свой нос в книгу, но перед этим осторожно протянул Бернарду руку и представился своим настоящим именем. Я видел, что так делают взрослые при встрече, и подумал, что раз уж я принял самостоятельное решение сбежать из дома и получать образование, то вполне имею права вести себя как взрослый. Бернард удивился моему жесту, но ответил тем же. Ему явно понравилось. В тот момент была заложен фундамент одной очень крепкой мужской дружбы.

После занятия отец Фердинанд подозвал меня к себе.

- Тебе надо сходить в библиотеку за книгами, я провожу тебя, - сказал он, и мне пришлось быстро попрощаться с Бернардом.

Мы шли очень длинным коридором с огромными колоннами и витражами, через которые проникал свет и отражал некоторые узоры на полу. Я ходил по этим отражениям и думал, можно ли вообще наступать на них, ведь каждый витраж изображал нечто священное. Почти на всё я обращал внимание: там были разные люди и разные сюжеты. Словно это одна большая история.

- Нравится? – спросил отец Фердинанд, заметив моё любопытство.

- Очень, - признался я, не переставая глядеть на витражи с восторгом.

- Когда-нибудь ты узнаешь все эти истории, пропустишь их через себя и обязательно что-нибудь для себя выделишь.

- Что выделяю? – поинтересовался я, загадочность отца Фердинанда была мне не совсем понятна, но довольно привлекательна.

- Любая история рассказывает нам о чём-то. Как правило, в основе лежит конфликт, проблема, какое-то правило, некая мораль, ценность. Всё, что угодно. Нам сюда! – он указал вправо, и мы свернули. – Вот, например, сегодня ты пришел на своё первое школьное занятие, хотя прошло уже несколько недель с начала учебного года.

Отец Фердинанд не переставал улыбаться, но я понимал, что он к чему-то клонит. Мой урок, словно, не был закончен, он продолжался в коридорах этого могучего здания.

- Простите, но...

- Не надо извиняться, не говори ничего.

Признаться честно, я и не знал, что говорить, это просто так вырвалось.

- Я сразу понял, что в школу тебя никто не записывал.

- А разве есть какой-то набор? – спросил я, не скрывая своего удивления.

- Конечно! Ведётся отчетность. В этом году у нас двадцать три ученика: четырнадцать мальчиков и девять девочек. Все очень строго...

- Отец Фердинанд, - я перебил его, - значит, для меня не найдётся учебника?

Глаза отца Фердинанд широко распахнулись.

- Не найдётся учебника! Глупость! – он замахал руками. – Ну как ты мог такое подумать? Я бы никогда не отказал человеку, стремящемуся получать знания.

Тогда я расплылся в блаженной улыбке и понял, что первое правило, которое я извлёк из сегодняшнего занятия, заключалось в том, что нужно всегда помогать нуждающимся, идти навстречу тому, кто протягивает тебе руку и просит помощи.

- Будешь моим учеником под номером двадцать четыре, - добавил отец Фердинанд, после чего я не удержался и обнял его.

Если все священники были такие же добрые и благородные, как отец Фердинанд, то теперь я понял, почему многие люди приходили в это место.

- Ну, ладно-ладно, - отец Фердинанд погладил меня по спине и предложил продолжить наш путь, - сейчас ты получишь свои учебники, но помни, нам стоит быть очень осторожными, в любой момент может приехать проверка, и тогда тебе придётся сделать то, что я скажу.

- Все, что угодно! – воскликнул я, выражая готовность беспрекословно подчиниться его приказу.

Он кивнул, а затем не без труда открыл огромные толстые двери, которые таили за собой множество книг, и пригласил меня войти. Конечно же, я никогда не видел такого большого количества книг, такого широкого масштаба, не чувствовал такого странного, но весьма приятного запаха. От всего этого у меня захватило дыхание, но шаги хранителя библиотеки вернули меня с небес на землю.

По каменному полу шаркал хранитель библиотеки и по совместительству садовник монастыря святого Иакова, я видел его несколько раз в саду, он ровнял кусты и ухаживал за розами.

- Людей не хватает, - пояснил отец Фердинанд, заметив моё замешательство, - не хочешь в будущем служить на благо католической церкви?

Это был явно риторический вопрос, но на всякий случай я пожал плечами:

- Родители говорят, я должен стать врачом.

- Значит, будешь врачом! – священник похлопал меня по плечу. – Герман, выдай этому мальчику книги необходимые для занятия в школе.

Старик замешкался, переминаясь с ноги на ногу.

- Но ведь набор учеников уже давно закончился, - пробормотал он, хлопая огромными серыми глазами.

*Отец Фердинанд строго посмотрел на него и чётко произнес, разделяя каждое слово:
- Выдай этому мальчику книги.*

Хранитель подобрал подол своего коричневого балахона, хотя большие он был похож на лохмотья, чем на нормальную одежду, и удалился вглубь множества стеллажей.

- Не обращай внимания, - пояснил отец Фердинанд, и голос его заметно смягчился, - Герман хороший и покладистый. Вы с ним обязательно подружитесь. Он человек старой закалки, сам понимаешь, любит во всём порядок.

Вскоре Герман вернулся, я даже удивился его расторопности в столь пожилые годы. По очереди он выкладывал на стол учебники, от которых летели хлопья пыли. Затем он положил огромное Священное Писание, пыль снова разлетелась во все стороны, и я закашлял от этого грязного воздуха.

- Вот и словно, - сказал отец Фердинанд, - но, Герман, вид этих книг никуда не годится? Ты что специально искал самые грязные и пыльные книги?

Старик немного съёжился, словно он боялся отца Фердинанда. Увидев его выпученные глаза, я заметил, что на веках отсутствуют ресницы, от этого его глаза казались более пустыми и одинокими.

- Что вы, святой отец. Простите. Все будет сделано, - проговорил хранитель, кивая головой в знак послушания.

Когда мы уже направились уходить, старик окликнул отца Фердинанда:

- Святой отец, позвольте узнать имя этого славного мальчика?

Я хотел представиться, но отец Фердинанд опередил меня.

- Знать имя этого славного мальчика тебе вовсе необязательно.

Его взгляд показывал, что разговор окончен.

- И приберись в библиотеке!

- Да, святой отец.

Герман так и не узнал моего имени и всегда называл «мальчиком». Моего прозвища он также никогда не слышал. Когда отец нарек меня Кошмаром, Герман был уже мертв.

Отец Фердинанд сказал, что лучше никому не знать лишней информации, поэтому моё имя в монастыре знали только отец Фердинанд, Бернард и я сам. На вопрос, для чего это нужно, священник ответил, что это элементарные меры предосторожности. С тех пор в монастыре меня называли по номеру – Двадцать Четвертым. А затем, когда я получил от отца своё прозвище, оно прижилось и здесь.

- Если кто-то будет тебя разыскивать, никто не сможет назвать твоего имени.

Тогда я понял, насколько рискованный шаг сделал отец Фердинанд, взяв меня в школу без предварительной записи.

Не вижу смысла в подробностях описывать, как проходили мои школьные будни, тем более, учился я прилежно, отличался старательностью, по сравнению с некоторыми ребятами, которые только и делали, что рассматривали потолок монастыря от скуки или сочиняли стишки, высмеивающие обучение. Отец Фердинанд всегда сохранял спокойствие, ни один шаловливый мальчишка не мог вывести его из равновесия. Ни один мускул раздражения на его лице не дёргался, когда он призывал учеников к дисциплине. Словесные просьбы не всегда помогали, зато наказания в виде монастырских работ вместо отдыха в свободное время действовали безотказно.

Пару раз даже Бернарду случалось схлопотать монастырские работы, хотя мой друг тоже очень трепетно относился к учебному процессу, всегда чуть ли не с открытым ртом слушал воспитательные проповеди отца Фердинанда и каждый раз на уроках вызывался читать Библию, она ему особенно нравилась. Однако через месяц после нашего обучения два брата Альберт и Роберт, проявившие себя как задиристые мальчишки, втянули Бернарда в драку против его воли. Наказаны были все участники, и Бернарда в качестве исправительной

работы отправили на сбор урожая. Разумеется, я поддержал друга и разделил вместе с ним его участь.

Сбор урожая всегда был массовым мероприятием, сам процесс продолжался несколько месяцев, в середине осени, можно сказать, собирали уже то, что осталось, и я радовался, что наказание Бернарда не пришлось на сбор моркови и свёклы. Нам досталась огромная яблоня, и яблоки собирали мы довольно весело: некоторые яблоки клали в корзину, некоторые – себе в рот. Роберт даже умудрился стащить несколько яблок домой.

Однако запомнился этот случай мне не дракой товарищей и даже не сбором урожая, а встречей с нашим хранителем Германом. Отец Фердинанд поручил ему контролировать работу, чтобы мы не халтурили и не убежали раньше положенного срока. Конечно, при желании, каждый из нас мог спокойно убежать, и старик Герман ни за что бы нас не догнал, но из уважения к человеку, который охраняет священные вещи – книги, мы старались более-менее прилежно выполнять свою работу.

- Ей мальчик, - это Герман обратился ко мне, - собирай тщательнее! Гнилушки кидай в одну корзину, хорошие яблоки – в другую.

Я скривил недовольную гримасу.

- Думал, что раз добровольно сюда записался, то можешь отлынивать и ничего не делать! Не тут-то было!

Его слова немного задели меня, и я понял, что под добровольной записью он имеет в виду не только моё желание помочь другу в сборе урожая, но и внеплановое поступление в школу.

Когда наша работа была выполнена, мы понесли корзины с яблоками в монастырский погреб. Герман снова руководил процессом, указывая, куда и какую корзину ставить, куда какие яблоки выкладывать. Не успели мы с ним распрощаться, как к старому хранителю подошел молодой человек. На вид ему было около двадцати пяти, худощавый, немного сутулый и растрёпанный. Щека была испачкана чем-то чёрным, словно он отмывал самый грязный на свете котёл или чистил печку.

Старик обернулся к незнакомцу и спросил небрежным тоном:

- Чего тебе?

- У-учитель, произошёл к-казус, - промямлил молодой человек дрожащим голосом.

- Какой ещё казус! – возмущился Герман, он был в явном замешательстве: идти разбираться, о каком казусе идёт речь или доделать дела с провинившимися мальчишками.

Герман замахнулся рукой, словно хотел ударить молодого человека, и тот отбежал на несколько шагов, чтобы старик не смог выполнить задуманное действие.

- Простите, я не х-хотел вас тревожить.

- Так чего ты вылез тогда, раз не хотел тревожить? – снова рявкнул Герман. – Иди отсюда! Я приду скоро, приberi там всё.

Молодой человек удалился, и я понял, что старик Герман с ним определенно знаком.

- Казус у него, видите ли, произошёл, - ворчал хранитель.

Я покосил взгляд на старика, уж больно любопытно мне было наблюдать за его поведением. Он ходил из стороны в сторону, переминался с ноги на ногу и явно хотел поскорее уйти туда, где произошёл так сильно волновавший его казус.

- А ты чего уставился! – крикнул Герман, поймав мой любопытный взгляд. – Выложи эти чертовы яблоки и убирайся отсюда.

Я быстро сложил оставшиеся яблоки, помог закончить разгружать корзину Бернарда, и мы пулей выбежали из погреба.

Второй раз я видел этого странного молодого человека весной, когда пришло время ухаживать за садовыми цветами. Он обрабатывал кусты вместе с Германом. Я шёл на занятия, но это не помешало нам пересечься холодными взглядами. Тогда я заметил, что у молодого человека были разные глаза. «Точно дьявол», - подумал я, и зашагал быстрее. Я почувствовал

его пристальный взгляд, которым он проводил меня до самой двери величественного храма. Я юркнул внутрь и выдохнул, словно освободился от тяжелой ноши.

Если в первый раз этот молодой человек показался мне неказистым и неотесанным, то теперь я разглядел в нём некоторую красоту. Его тёмные, почти чёрные волосы удлиняли его лицо. Зелёный глаз, выделяющийся из тёмных оттенков, придавал ему определённую изюминку: устрашал и в то же время привлекал, манил и просил снова на него посмотреть.

- Бернард, - спросил я однажды своего друга, - видел ли ты когда-нибудь в нашем монастыре странного молодого человека, который всегда появляется только с Германом?

- Худощавого с чёрными сальными патлами? – немного возбуждённо уточнил Бернард.

Я быстро закивал головой в знак согласия.

- Видел однажды, - Бернард оглянулся по сторонам, словно, говорить об этом было непозволительно, - если честно, он меня пугает. Словно не от мира сего. Одним словом – странный.

С тех пор между собой мы стали называть его Странным.

В свете Странный появлялся очень редко, никогда не отходил от Германа и ни с кем не разговаривал, что только усиливало наш интерес к нему.

Глава 4

Каждое воскресенье почти весь город отправлялся на утреннюю службу в монастырь. Все жители расценивали этот поход не только как встречу с Господом, но и как приятное времяпрепровождение в хорошей компании. Пожилые женщины пекли пироги и угощали после службы всех желающих, отказаться от угощений было, конечно же, очень сложно. Воспитанники монастырской школы раз в месяц обязательно устраивали песенные или театральные выступления, так что родители с удовольствием приходили восхититься своим чадом.

Для Генриха всё это выглядело крайне странным. Церковь в его городе была очень строгой и консервативной. Старушки шикали на молодых прихожан, которые не соблюдали тишину, а о пирогах вообще не могло идти никакой речи.

Тётушка Тэри объясняла это Генриху тем, что все здесь живут как одна большая семья, но Генриху было сложно понять этого единения.

После того, как Лилит забрали из монастырской школы, она с удовольствием ходила на все службы, с особой тщательностью выбирая свои наряды. Тэри догадывалась, что интерес её дочери вызывает явно не Священное Писание, а молодой Эрих, который, конечно же, не пропускал ни одной службы. Сидя на своей скамейке, Лилит всё время переглядывалась с Эрихом, который пристально следил за своими учениками, но и не забывал поглядывать на Лилит.

Тэри постоянно одергивала дочь, чтобы та не смотрела по сторонам, а читала молитвы, но девушку это мало интересовало. Однако сильная вера в Господа не могла заставить Тэри запретить дочери посещать церковь, ведь она тоже должна быть как можно ближе к Богу.

Генрих ходил туда скорее за компанию, хотя исправно читал все нужные молитвы и вовремя крестился.

- Давно ли вы были на причастии и исповеди? – спросил однажды Генриха отец Бернард.

Вопрос застал Генриха врасплох, он никак не рассчитывал общаться с местным священником, почему-то они всегда казались ему людьми далёкими от простого народа. Однако, как уже понял Генрих из рукописей, Продавец Кошмаров был знаком с неким Бернардом. Не исключено, что это был тот самый мальчик, который потом получил сан священника. Однако это имя не было настолько редким, чтобы с уверенностью утверждать, что это был *тот самый* Бернард.

Священник уловил замешательство Генриха и решил пояснить свой вопрос:

- Дело в том, что я уже давно вижу вас среди прихожан нашего монастыря, но вы ни разу не были на причастии.

Отец Бернард говорил очень спокойно, размеренно, явно располагая собеседника к себе, и Генрих немного смягчился.

- Да... я здесь уже несколько месяцев. Я живу у тётушки Тэри.

- Да, я видел, что вы всё время приходите с ней и с её дочкой Лили. Кажется, вы её новый учитель?

- Всё верно, - с облегчением ответил Генрих, ему стало легче, что разговор стал обретать светский характер, - раньше она училась здесь, - и он оглядел стены монастыря.

- Она неплохая девочка, - заметил священник, - но её надо направить в нужное русло. Знаете, она очень напоминает мне одну мою ученицу. В своё время она тоже бросала вызов обществу.

- Правда? Вы знаете, Лилит постоянно восхищается Эмилией Миллер, уж не про неё ли вы говорите, святой отец?

- Эмилия... - Бернард слегка улыбнулся, - конечно же.

Разговор со священником становился для Генриха всё интереснее, но он решил не перегибать палку с навязчивыми вопросами, чтобы не показаться подозрительным, поэтому ограничился общим вопросом:

- Так значит, вы тоже были учителем?

- Совершенно верно, - ответил священник, - сначала я учился в школе этого монастыря, а затем и сам стал учителем. Практически все жители нашего города проходят обучение именно здесь.

«Учился вместе с Продавцом Кошмаров, значит, всё сходится», - подумал Генрих.

- А Йозеф? Простите, я до сих пор не знаю его фамилии. Он живет напротив тётушки Тэри, - сразу спрашивать про Продавца Кошмаров было бы слишком.

Бернард махнул рукой и улыбнулся.

- Йозеф, его и так все знают! Да, он тоже был моим учеником.

- Вам должно быть приятно видеть, какими хорошими людьми выросли ваши ученики.

- Конечно, - ответил Бернард и снова улыбнулся.

Разговор пора было заканчивать, пирогов уже не осталось, и прихожане стали расходиться. Генрих уже хотел было поблагодарить священника за беседу и попрощаться. Стоит признать, священник показался Генриху довольно дружелюбным. Однако отец Бернард остановил его.

- Так, когда вы последний раз были на исповеди и причастии?

Генрих опешил. Он уже и забыл, по какой причине они заговорили.

- Да-а, давно, святой отец.

Бернард легонько дотронулся до Генриха рукой.

- В таком случае, я буду вас ждать.

От того, что рано или поздно Генриху придется исповедоваться, его бросало то в жар, то в холод. Всегда сложно говорить о своих плохих поступках, ещё сложнее в них раскаиваться.

Священник от него явно не отстанет и будет периодически напоминать об этом, поэтому лучше исповедоваться как можно раньше, чтобы больше не думать об этом.

Генрих поспрашивал у всех знакомых, как правильно исповедоваться, хотя и так знал правила. Все отвечали одно и то же: заходишь в исповедальню и рассказываешь о своих преступлениях.

Йозеф сказал, что всегда составлял список грехов для исповеди, чтобы ничего не забыть. Этим советом и решил воспользоваться Генрих.

Больше всего его беспокоил один момент – признаваться ли в краже рукописи или нет? Грех ли, если ты утаишь содеянное?

Генрих переживал, что Бернард расскажет Йозефу о краже, хотя и знал, что священники обязаны хранить тайну исповеди.

В итоге, так и не приняв окончательного решения, для начала он решил начать составить список грехов, а дальше можно и отредактировать.

«Врал, завидовал, ругался, ленился...» и тут мысли дошли до воровства.

Может быть, написать «крал» или «воровал», не называя имён? Или вообще не писать про это?

Собираясь с мыслями, Генрих решил написать про воровство, поставив там знак вопроса. Посмотрит по обстоятельствам, говорить ему про это или нет.

И вот в день своей исповеди, как всегда, в сопровождении Лилит и тётушки Тэри, Генрих отправился в монастырь.

Зайдя в исповедальню, он протёр свои вспотевшие ладони и глубоко выдохнул. То, что отец Бернард находился за перегородкой придавало Генриху уверенности, и он немного расслабился. «Это как будто разговор с самим собой» - подумал он, а дальше всё пошло само собой.

Он вспомнил всё свои детские и подростковые шалости, все свои грубости родным и близким, вспомнил, кому и за что он завидовал. Воспоминания саи лились рекой, Генрих даже забыл про своё список, который выглядел таким бездушным по сравнению с тем, что выдал.

И в конце он всё же добавил:

- И ещё, святой отец, недавно я украл кое-что у моего друга. Я очень раскаиваюсь во всём содеянном.

- Друг мой, - проговорил отец Бернард, - а ты и правда давно не был исповеди.

Генрих улыбнулся. Теперь ему стало легче. Считая себя хорошим человеком, он понял, что даже хорошие люди совершают плохие поступки.

Еще до моего рождения отец решил, что его детям заготовлена участь лекарей. В нашем городе почти всегда получалось так, что мальчики наследовали профессию отцов, а девочек старались поскорее выдать замуж, либо поручали им дела по хозяйству. Так получилось, что у моей матушки всё время случились выкидыши, и я остался единственным выжившим ребёнком. По словам матери, отец был на седьмом небе от счастья, однако потом пришло разочарование.

Всё началось с того, когда пришло время обучать меня мастерству лекаря. Уже с трёх-летнего возраста отец стал водить меня в лес за травами. Там я чувствовал полную свободу, бегал по неизведанным тропкам, чувствовал запах цветов и деревьев. Сначала все эти прогулки казались мне увлекательной игрой, но вскоре отец стал читать мне лекции и рассказывать, чем отличаются растения, для чего они вообще нужны и всё в таком духе. Мне это докучало, и я назло стал срывать любой попадавшийся мне цветок, чтобы показать своё отношение к происходящему.

Признаться честно, природа мне нравилась, и я чувствовал наше с ней единство. Отец словно препятствовал этому единению, заставляя запоминать всё с научной точки зрения, а не с той, которую я называю внутренней точкой, душевной.

Стоит признать, учитель из моего отца был никудышний. Он пытался донести до меня всё и сразу. Удивительно, что после подобных домашних занятий я захотел пойти в школу, ведь смотреть, как готовят снадобья и лечебные мази, мне было очень скучно. Я начинал рассматривать стены и потолок нашего дома, на которых знал уже каждую царапину. Замечая это, отец кричал: «Не отвлекаться!» и продолжал учебную демонстрацию.

Отец всё время говорил, что уже совсем скоро мне предстоит приготовить свою первую настойку. Матушка, глядя на мои «успехи» лишь качала головой, а вечерами уговаривала отца бросить эту затею научить меня искусству лекаря. Но отец был непреклонен. Сын лекаря обязательно будет лекарем.

Всю свою жизнь я был очень любознательным человеком, и, откровенно говоря, все эти настойки, баночки, сушеные цветы, корешки деревьев вызывали у меня определенное любопытство. Однако отцу я это никогда не показывал. Я не запоминал ту информацию, которую он пытался донести до меня, лишь по одной простой причине – я уже знал её.

Когда случалось, что никого не бывало дома, я устраивал эксперименты. Я брал засохшие растения, рассматривал все имеющиеся у отца корешки, выбирал колбы для жидкостей и маленькие баночки для твёрдых субстанций. Всё это доставляло мне удовольствие, я ощущал себя настоящим целителем, который готовит необходимое для жизни пациента лекарство.

В процессе приготовления я обязательно воображал, для чего я готовлю тот или иной раствор: от головной боли или от бессонницы, от простуды или от болей в спине. Я думал, этого достаточно, чтобы «лекарство» подействовало. Когда всё было приготовлено, я убирал баночки в корзину, которую взял специально для своих экспериментов. Я не мог с точностью сказать, что собирался делать со всем этим в будущем, но мне почему-то казалось, что эти заготовки мне обязательно пригодятся.

Мои тайные эксперименты продолжались, пока однажды отец не застал меня за этим занятием. Я делал всё как обычно, уходил в свой мир и не замечал ничего вокруг. Оказалось, отец заметил многочисленные пропажи материалов, которые постепенно стали увеличиваться и заподозрил неладное.

В тот день я получил мутно-коричневую жидкость. На свету она давала разные коричневые оттенки, было очень красиво.

- Для чего эта настойка? – грозно спросил отец.

Он стоял за спиной, я вздрогнул от неожиданного вопроса и промямлил, что эта настойка снижает температуру.

- Чепуха! – он вырвал из моих рук ещё незакрытую банку.

- Осторожно! – я не выдержал, подумав, что отец может случайно пролить часть такой дорогой для меня жидкости.

Он прищурил глаза. Почему-то мне показалось, что он был похож на зверя, который готовится сделать решающий прыжок на свою жертву.

- Лекарство от температуры никогда не получается коричневого цвета, - прошипел отец сквозь зубы.

- А вот у меня получилось!

Его лицо залилось краской. Он резко поставил приготовленный мною раствор и, повернувшись к стеллажу с другими растворами, судорожно начал что-то искать.

- Вот! Видишь! – он вертел стеклянной банкой с прозрачной жидкостью прямо перед моим носом. – Вот такое получается лекарство от температуры. Другого быть не может!

Я лишь развел руками. Зачем что-то говорить в ответ, если меня не хотели слышать?

На крик прибежала мама.

- Что случилось? Клаус, тебя слышно даже на улице.

- Наш сын занимается ерундой и просто так тратит ингредиенты!

Её взгляд переметнулся на мутно-коричневую жидкость, и она поняла, что имел в виду отец.

- Тише, тише, - мать начала легонько поглаживать руками воздух, показывая, что всем надо успокоиться.

- Я наблюдал за ним, - он указал на меня пальцем, обращаясь к матери, - он бездумно смешивал травы, а теперь говорит, что эта настойка избавит меня от температуры. Насмешил же!

Лицо матери изменилось, казалось, что-то очень сильно её задело, хотя она всячески старалась это скрыть и сохранить спокойствие.

Наконец отец успокоился и прекратил махать руками, расхаживая по комнате.

- Ты же всё впустую переводишь. Пора положить этому конец, - его речь стала спокойной, но жёсткой, - отныне ты будешь готовить растворы исключительно в моём присутствии.

У меня заколотилось сердце. Отец лишил меня того, что было мне очень дорого, того, что вызывало у меня интерес. Работать под надзором отца – суицид! Это не сравнится с моим творческим процессом.

- И готовить ты всё это будешь, проговаривая теорию.

Отец поставил в нашем разговоре жирную точку, однако приготовленный мною раствор забрал.

С тех пор я и правда готовил настойки только под чутким присмотром. Матушка каждый раз охала, когда отец запер все шкафы, чтобы я не мог добраться до материала, предназначенного для приготовления лекарств. Ему пришлось потратить кучу денег, чтобы обратиться к замочному мастеру, но он оставался непреклонен – воспитание сына было выше денежного благосостояния.

Однако все усилия отца были напрасны. После моих занятий в монастыре я частенько ходил по территории и подбирал понравившиеся мне коряги, соскребал с них кору или незаметно рвал цветы, которые привлекали моё внимание. Я не собирался оставлять своё занятие и подумал, что если мне всю жизнь придется обходить запреты отца, чтобы заниматься любимым делом, то я буду находить для этого всякие способы.

Однажды я решил попробовать работать не только с растениями, но и с камнями. Сначала я лишь собирал их и складывал в большую коробку.

- Что это у тебя? – небрежно спросил отец, когда я около дома подбирал камни с дороги. Я показал ему мою добычу. Ладонь слегка потряхивало от страха и волнения.

- Надеюсь, это мне можно коллекционировать?

Отец взглянул на разноцветные камни и усмехнулся.

- Камни, да собирай, сколько вздумается, - он засмеялся и отправился в дом.

Я бросил взгляд на окно, оттуда глядела матушка с тревожным выражением лица. Последнее время она стала более наблюдательной и почти всегда старалась оказаться рядом, если мы с отцом оставались один на один.

Результаты моей работы с камнями не заставили себя долго ждать. Я доводил их до порошкового состояния, наделяя волшебными свойствами. Получившиеся препараты я, как и жидкости, расфасовывал по маленьким бутылочкам и обязательно подписывал, благо, к этому времени писать в школе меня уже научили.

Я долго не решался попробовать волшебные порошки в действии, но, когда потребовалось время, чтобы подольше задержаться в монастыре, я незаметно пробрался в комнату родителей и распылил над кроватью сонный порошок. Когда я его готовил, то представлял, что он может заставлять человека спать, даже если тот этого не хочет.

Я знал, что сильно рискую, но другого выбора не было, в монастыре я обещал задержаться до полудня и помочь отцу Фердинанду. Родители никогда не спали до такого позднего времени, и мне слабо верилось, что это сработало, однако какого было моё удивление, когда я вернулся домой и обнаружил, что матушка только-только вставала с кровати.

- Вы сегодня так долго спали! – я сделал вид, что удивлен происходящим.

- Да уж, сынок, что-то нас совсем разморило. Наверное, устали от работы. К нам кто-нибудь заходил, милый?

Я покачал головой, надеясь, что в моё отсутствие действительно никто не стучался в лавку.

- Вот и славно. Твой отец проспал утренний обход, представляешь, - она сидела на кровати в потрепанном виде и улыбалась, словно не произошло ничего страшного, и я понял, что её даже забавляет произошедшая ситуация.

Отец же, напротив, метался по всему дому, недоумевая, как с ним могло такое приключиться.

- Что я наделал! – он схватился за голову, расхаживая по комнате. – Со мной никогда такого не было. Скольких пациентов я должен был навестить? Скольких?

Мама рассеяно продолжала сидеть на кровати, словно, не понимая, что должна сделать.

- Дорогая, скольких? Скольких? Ты ведёшь мою бухгалтерию.

Но мать продолжала сидеть молча.

- Моя память... - отец снова схватился за голову и выбежал.

Сонный порошок сработал. Я был горд и счастлив за своё изобретение. Однако единственное, что мне в нём не понравилось – побочный эффект, а именно сильная растерянность, которая пропала у моих родителей лишь спустя пару часов после их пробуждения.

Почти целый год мои тайные проделки оставались незамеченными, но, как мне всегда говорили родители, рано или поздно тайное обязательно становится явным. Одним сентябрь-

ским утром я собирался в школу, не сообщив об этом родителям. Отец, как обычно, уже отправился на обход своих пациентов, а это означало, что у меня будет время незаметно улизнуть из дома. Матушка сидела в своей комнате и то ли шила, то ли вела отцовскую бухгалтерию. Всё, как всегда. Однако так мне только казалось.

Когда я умылся и зашёл к себе в комнату, чтобы взять учебник для занятий, мой рот застыл от удивления – мать стояла около кровати, держа в одной руке ту самую книгу, за которой я вернулся, а в другой – баночку с синим порошком.

- Дитя моё, потрудись объяснить, что происходит, - она не кричала, наоборот, её голос был мягкий и дружелюбный, но чувство страха всё равно закралось в самое сердце.

Если насчёт книги ещё можно было придумать какое-то оправдание, например, нашёл на дороге, оставил один забывчивый посетитель в нашем доме, то про синий порошок точно пришлось бы отчитываться за свои проделки.

- Сынок, не ври мне, - сказала мама и покачала головой, - я знаю, что это. Это учебник. К твоему сведению, читать я умею. И даже более того, я сама училась по этой книжке, но это было в монастырской школе, поэтому говори мне правду.

- Главное, не кричи на меня, - попросил я робко и рассказал ей, что действительно ослушался отца и тайно посещаю школу.

Я не выносил людского крика, особенно, если кричали на меня. Это ужасно. Я сразу же замыкался в себе, душа словно улетала, оставляя тело слушать неприятные вопли. Но тело не слышало, ему было безразлично.

- Милый мой, - она протянула ко мне руки и обняла, - я и не собиралась на тебя кричать. Мы ничего не скажем отцу, ясно?

Я вырвался из её объятий, заявление было весьма неожиданное.

- Как это? Не скажем?

- А вот так, - она развела руками и добавила серьёзным тоном, - я полностью на твоей стороне.

Тогда я впервые ощутил, что такое поддержка родителя. Она не сравнится ни с одним другим чувством. Ощущение того, что тебя понимают и разделяют твои мысли, я запомнил на всю свою жизнь.

- Между прочим, - добавила матушка таким тоном, словно рассказывала мне огромный секрет, - твой отец тоже посещал школу.

- Отец посещал школу! – я не мог сдержать своего удивления. – Но разве не он мне твердил, что школа в жизни не главное?

- Ах да. Он так не выносит школу, потому что священник, который вел у него занятия, постоянно давил на него. Твой отец не отличался прилежанием и усидчивостью. В общем, он был тем еще оборкотом, - она с улыбкой посмотрела на меня.

- Так значит, у него имеется образование?

Тут её улыбка начала спадать, лицо снова приняло серьёзное выражение.

- Вообще-то нет. Школу он не окончил – сбежал. Как раз из-за того священника. С тех пор в монастырь он ни ногой.

Она тяжело вздохнула, наверняка, подумав о том, какая тяжёлая ноша свалилась на её семью. Зато мне теперь стало ясно, почему отец был так категорично настроен против школы и церкви в целом. Личное отношение сыграло свою роль.

- В любом случае, - сказала мать, словно прочитав мои мысли, - его проблемы никак не должны касаться тебя, мой мальчик, поэтому ты будешь ходить в школу. Наверное, ты уже опаздываешь?

Я покачал головой, хотя прекрасно знал, что отец Фердинанд уже идёт через большой зал, чтобы сделать поворот в сторону выхода. Его педантичность я успел выучить наизусть, он всё делал по расписанию и никогда не опаздывал.

- Опаздываешь, я вижу это по твоим глазам, - она легонько вздернула меня за подбородок, - но ничего, школа подождёт, а теперь расскажи мне про это, - она потрясла бутылку с порошком, ситуация явно накалялась.

Я что-то промямлил про волшебные порошки, их чудесные свойства, надеясь, что мать не воспримет это всерьёз, а лишь посмеётся, не посчитав их опасными для меня и всех окружающих.

- Волшебные порошки? – она любопытно разглядывала мелкие переливающиеся кристаллики. – И как же они работают? Каким образом они стали волшебными?

- О, это очень просто!

- В самом деле?

- Да, я просто думаю о каких-нибудь волшебных свойствах, и порошок становится волшебным, - кажется, мои слова звучали не очень убедительно.

- Звучит любопытно, - сказала мама и встала с кровати, - может быть, ты всё-таки покажешь, как работает твоё волшебство?

- Ты надо мной смеёшься? – робко спросил я, желая поскорее прекратить этот спектакль.

- Совсем нет, милый, - голос её был добрым и даже ласковым, - я давно заметила в тебе странности. Ты можешь мне всё рассказать, это будет наша тайна. Обещаю.

Она умоляюще глядела на меня, но разобрать её настоящего настроения я так и не смог. Я вспомнил, как мать вздыхала в моменты гнева отца из-за моих «лекарственных» проделок, но не был уверен, сохранила ли она то настроение. Однако поверить матери мне хотелось больше, чем отдалиться от неё, тем более что один мой секрет она уже знала.

- Хорошо, - я кивнул, - но ты никому не расскажешь ни слова.

- Ну, конечно, милый!

Пару секунд я колебался, но затем всё-таки сдался:

- Порошок надо развеять, и волшебство работает.

- Вот так просто? – спросила она, сделав наивное личико.

- Да, вот так просто.

- Значит, это всё твоя сила мысли... Что ж, я поняла. Это чудесно, мой мальчик! – мать одарила меня улыбкой. – Я ни в коем случае не расскажу об этом отцу. Ты можешь продолжать делать свои волшебные порошки, если тебе вздумается, но, пожалуйста, никому их не показывай.

Я кивнул.

- Будь осторожен, милый, - она поцеловала меня в макушку, - а теперь беги в свою школу.

Я покинул дом в странном состоянии. Поведение матери вызывало много вопросов. Вернувшись со школы, я на всякий случай решил спрятать мои порошки в другое место, чтобы мать не смогла их найти, если они зачем-то ей понадобятся.

Я недоумевал, что его двигало? Желание тоже использовать порошки в своих целях? Или уничтожить их, чтобы я больше не страдал «ерундой»? Притвориться доброй и понимающей можно было по разным причинам, и меня это сильно беспокоило.

Ещё один момент, который не давал мне покоя – почему я должен прятать порошки и никому их не показывать? Что если это тоже очередная уловка? Как зачастую, бывало, во всех сказках и легендах, которые мне рассказывали на ночь, дети обычно нарушал запреты своих родителей. Запрет отца я уже нарушил, на подходе был запрет матери.

Приготовив своим волшебным образом несколько порошков и настоек, я решил, что пора пустить их в действие. Однако необходимо было и соблюсти все меры предосторожности. Собрав в охапку все свои волшебные сбережения, я отправился в лес, где вырыл небольшую яму, положил туда свои драгоценности и накрыл их веточками ели.

На четвертом году моего обучения случилось того, чего мы с отцом Фердинандом очень боялись. Нагрянула монастырская проверка. Мы предполагали, что рано или поздно это случится, но не предполагали, что событие свалится на нас как снег на голову.

Это был осенний денёк, когда вся листва стояла в красных и оранжевых листьях, уроки закончились, всех учеников отправили собирать жёлуди для скота. Мы кидались желудями друг в друга и громко смеялись, хотя прекрасно знали, что христианская мораль запрещает играть с едой. Но ведь жёлуди не пища для людей, значит, и заповедь не совсем нарушается.

Именно в момент всего происходящего на горизонте появился отец Фердинанд. Его походка была не такая спокойная, как обычно. Черная сутана развивалась от разыгравшегося ветра, придавая ситуации нотки трагичности. Затем он остановился и помахал мне рукой. Что-то кольнуло мне в сердце, и в этот миг я понял, что приехали проверяющие.

Если какую-то проверку и стоит бояться, то это проверку монахов и короля, потому что и те, и другие настоящие фанатики своего дела. И если в случае с королём, ещё можно найти лазейки и кого-то подкупить, то католические монахи были твёрдыми и непробиваемыми как каменные глыбы.

Отец Фердинанд схватил меня за руку, как только я подбежал к нему, и мы бегом пустились по длинным коридорам монастыря.

Я даже не стал спрашивать, что случилось, всё и так было понятно.

Мы подбежали к дверям библиотеки, её огромные лабиринты должны были стать моим убежищем.

- Здесь они не смогут тебя найти, - проговорил отец Фердинанд, - Гермес!

Я услышал приближающиеся шаги.

- Иду, святой отец!

- Гермес, быстрее, - отец Фердинанд в панике оглянулся по сторонам.

Из глубины библиотеки показалась фигура Странного. Он заметно повзрослел, но по-прежнему оставался таким же худым.

- Гермес, нужно спрятать этого Мальчика.

Странный выпучил глаза, было видно, что помогать мне ему совсем не хотелось.

- Гермес, - с особой интонацией произнёс священник, - я надеюсь, ты понимаешь, куда ты должен его спрятать.

- Но святой отец! – возмутился Странный.

- Никаких возражений, ему можно доверять.

Слово отца Фердинанда было в монастыре для всех законом. Странный так сильно схватил меня за руку своими костлявыми руками, что я даже почувствовал боль. Он посмотрел на отца Фердинанда недоверчивым взглядом, но тот оставался непоколебим, и Странный потащил меня по лабиринту библиотеки.

Мне жутко хотелось остановиться и рассмотреть все полки, потрогать все книги, но времени не было.

- Шевели ногами, - сказал Странный недовольным голосом, дёрнув мою руку.

- Нельзя ли ослабить вашу хватку? – деликатно спросил я, боль в руке всё ещё чувствовалась.

Странный фыркнул, но немного разжал свои пальцы.

- Куда мы идём?

- Задавай меньше вопросов.

- Не понимаю, чего такого я вам сделал, и чем заслужил ваше неодобрение.

Странный вздвинулся от возмущения. Казалось, моя вежливость раздражала его ещё больше, чем моя персона.

Он ничего не ответил, мы молчали до тех пор, пока не остановились перед маленькой дверью, ведущей в неведомое мною пространство.

- Я выражаю неодобрение не к самому тебе, хотя из-за тебя весь монастырь сидит как на иголках с ужасом, ожидая приезд проверяющих, я выражаю неодобрение к тому, в какую тайну ты будешь посвящён.

- Просите, господин Гермес, можно я буду вас так называть? Я не понимаю, о чём идет речь? Если это о том, что я краем глаза видел запрещённую для учеников литературу, так это ничего страшного, я хорошо умею хранить секреты. А если это грех, смотреть на такие книги, то это тоже ничего, ведь я готов исповедаться.

- Не строй их себя невинную овечку. Сейчас ты попадёшь в то место, о котором знают лишь три человека в этом монастыре: я, отец Фердинанд и покойный Герман, - Странный осмотрел меня оценивающим взглядом. – Не понимаю, чем ты заслужил доверие главного священника, но если ты кому-нибудь проболтаешься, то мы трое – покойники.

Я сгорал от любопытства, позабыв о грозящей мне опасности от монастырских проверяющих, ведь впереди меня ждало нечто неизведанное, некая тайна, которая тоже грозила опасностью.

Мы очутились в большой комнате, похожую на лабораторию. Я толком не успел ничего рассмотреть, потому что Странный слишком быстро тащил меня за руку к другой двери. Я успел увидеть лишь кучу стеклянных банок и колбочек, старые пыльные книги, какие-то камни и растворы.

- Тебе сюда, - прохрипел Гермес, - беги и никуда не сворачивай, а то потеряешься в дебрях лабиринта, никто не будет тебя тут искать.

Я взглянул в темноту, которая готова была принять меня.

- Что там? – спросил я, темнота навевала на меня ужас, но я старался не подавать виду.

- Туннель из монастыря.

Гермес подтолкнул меня.

- Беги быстрее, мальчик.

Я ещё раз оглядел глазами комнату. Любопытство и страх съедали меня одновременно.

- И запомни, - добавил Странный, - не вздумай проболтаться.

Я кивнул и пустился в тёмный сырой туннель.

Глава 5

Удивительные приключения Продавца Кошмаров слишком затягивали Генриха и будоражили его ум. Фигура этого таинственного незнакомца манила его со страшной силой. Принять тот факт, что город скрывал столько тайн и загадок, было для него слишком сложно. Что это за мальчик, который силой мысли создаёт настойки и порошки? Он что – волшебник? Генрих в такую ерунду не верил. Хоть он и знал, что существуют люди, называющие себя колдунами, ведьмами и предсказателями, но всё это казалось ему просто выдумкой и желанием заработать на обмане других людей.

Пока ещё Генриху не встретилось в рукописях ни одного знакомого имени, кроме отца Бернарда. Неужели этот тот самый мальчик, который дружил с Продавцом Кошмаров в детстве? Тот отец Бернард, которого он знал, казался ему более статным и строгим, а этот мальчишка из рукописей не совсем походил на будущего священника.

Тайный ход и какая-то лаборатория в подземелье монастыря волновали Генриха не меньше всего остального. Теперь он не мог спокойно смотреть на священные стены. Воображение сразу же рисовало таинственные ходы и потайные двери, которые Генрих старался найти каждый раз, когда приходил на мессу с тётушкой Тэри и Лилит.

Все эти мысли отнимали у молодого человека слишком много сил и энергии. Тэри стала замечать, что он сам не свой. На уроках с Лилит витает в облаках, путается в словах, часто пропадает в своей комнате.

- Ты часом ли не заболел? – каждый раз интересовалась женщина, но Генрих уверял её, что всё хорошо.

Когда и Йозеф забеспокоился, Генрих решил на некоторое время отложить чтение рукописей. Это решение далось ему нелегко, ведь узнать, что будет дальше, было крайне интересно, но важнее всего было не вызвать подозрений. Йозеф не должен был обнаружить пропажу рукописей.

Так Генрих дотянул до весны, приближалась Пасха.

Тётушка Тэри на правах лучшего пекаря в городе должна была испечь куличи для праздничной мессы. Генрих вызвался помочь отнести куличи в монастырь и стал свидетелем того, как Эрик, которого недолюбливала тётушка Тэри, откуда ни возьмись вылез из стен монастыря.

- Здравствуйте! – вежливо поздоровался Генрих.

Эрик бросил на него презрительный, но в то же время испуганный взгляд. Его явно напрягло появление Генриха.

- Я несу куличи для завтрашней мессы, - продолжил Генрих, - а вы тут какими судьбами, сегодня вроде не должно быть службы?

- Не важно, - процедил Эрик и отвернулся.

Но Генрих не унимался. В обществе он видел Эрика крайне редко. Как и говорила Тэри, он почти ни с кем не разговаривал и старался избегать людей. Ему было любопытно, почему Тэри так недолюбливала его, что он такого сделал и почему был таким нелюдимым.

- Меня зовут Генрих, а вас? О, вы собираете лечебные травы? – спросил он, заметив в руках Эрика зелёные веточки.

- А ты почём знаешь, что они лечебные? Ты что – лекарь? – пробурчал Эрик, тряхнув своими чёрными волосами.

- Нет, я просто предположил.

Разговор явно не клеился.

- Ступай, куда шёл, - буркнул Эрик

У Генриха не осталось выбора. Мужчина проводил его презрительным взглядом, а затем сам скрылся из виду.

«Вот дела», - подумал Генрих и поднялся по ступеням главного входа в монастырь.

Однажды ранним утром, когда ещё спал весь город один человек второпях вскочил с кровати, так и не заснув всю ночь, наскоро оделся, и выскочил из дома, даже забыв свою шляпу. Его не поджидал экипаж, он не встречал пребывающую жену или тётушку, он быстрыми волнительными шагами направился в монастырь.

Отец Бернард, который каждый день вставал с первым лучом солнца, давно был уже на ногах, он сидел в своей келье, в очередной раз, изучая труды отцов церкви. Монастырь готовился принять своих прихожан, однако двери были ещё закрыты.

Идеальная тишина, царившая в монастыре, была прервана барабанной дробью. Кто-то стучал в двери.

Стук разбудил и остальных монахов, один из которых пустил человека внутрь.

- Мне надо исповедаться, - сказал мужчина растерянным запыхавшимся голосом.

Монах удалился в поисках отца Бернарда, однако тот не заставил себя долго ждать и сам спустился на стук, в котором он распознал ноты просьбы о помощи.

Отец Бернард оглядел зал в поисках путника, на что одни из монахов указал ему на исповедальную.

- Он уже там, святой отец.

Священник поклонился и зашел с исповедальную.

Отец Бернард, как всегда на исповеди, был собран, спокоен и добродушно настроен. Почувствовав в воздухе напряжение, он попросил не бояться ни его, ни Господа и рассказать о том, что гложет этого человека.

- Святой отец, я грешен, - сказал очень знакомый голос.

Отец Бернард насторожился.

- Все мы грешные, сын мой. Продолжай, - теперь уже священник был более сосредоточен.

Мужчина продолжил.

- Святой отец, я нарушил один из самых страшных заветов.

Бернард ничего не ответил, лишь снова напрягся. Где-то он уже слышал этот голос, но никогда не слышал от него предложения «святой отец, я грешен». Никогда этот человек не приходил на исповедь и вот теперь, что-то заставило его прийти.

- Не знаю, буду ли прощён когда-нибудь, - сквозь слёзы прохрипел мужчина, и его рыдания вырвались наружу.

Долгая нерешительность и обилие слёз заставляли Бернарда нервничать. Ещё никогда он сам не слушал исповедь в таком напряжении. Неужели человек совершил что-то такое, что не могло ждать до мессы?

- Святой отец, - внезапно спросил голос, немного успокоив слёзы, - гарантирует ли церковь тайну исповеди?

- Конечно, - ответил Бернард, и его сердце застучало, как молот.

- Святой отец, - начал мужчина, понизив свой голос, словно боясь, что у монастыря есть уши, - я грешен, ибо я убил ближнего своего. Я грешен, потому что не признался в этом сразу. Прошло уже двадцать лет, но это воспоминание до сих пор не даёт мне покоя.

Никогда ещё отец Бернард за всю свою службу Богу не рассказывал ему об убийстве. Его старые руки мгновенно запотели.

- Никто так и не нашёл беднягу, - с грустью сказал знакомый голос, - я скорблю о нём каждый день, ведь я не хотел этого, но порой обстоятельства бывают сильнее нас.

Голос закончил, и в монастыре стало тихо.

- Господь видит ваше раскаяние, - сказал Бернард, обескураженный исповедью прихожанина, - и, конечно, простит вас.

- Господь может и простит, но я нет.

Снова повисла пауза. Бернард почувствовал суету в кабинке.

- Я ухожу, святой отец. Спасибо.

- Вам стало легче? – спросил он, желая ещё хоть на мгновение задержать человека, словно это поможет понять ему, кто был его посетителем.

- Пока не уверен, - тихо ответил голос, - но, может, мне станет легче, кто-то найдёт тело, если меня раскроют, посадят тюрьму. Справедливость восторжествует, и я получу по заслугам, - он запнулся, Бернард жадно ждал продолжения. – Бедняга лежит в лесу, где я закопал его уже много лет назад. Хотя, признаюсь, сейчас я уже, наверное, не вспомню точно место. Я не ходил туда с тех самых пор. До свидания, отец Бернард. Я чувствую, что только вам мог доверить эту тайну.

С этими словами человек вышел, а отец Бернард так и остался, схватившись за голову, сидеть в исповедальне. Он узнал этот голос. Голос, который он слышал раньше на протяжении нескольких лет, голос, который и сейчас хоть иногда, но всё же встречается ему среди голосов других жителей.

«Вот бы и мне самому исповедоваться», - подумал священник, и к его глазам подступили большие слёзы.

Известие о том, что в лесу нашли кости человека, разнеслось со скоростью света. Сначала никто не придавал этому значения. Да, это ужасно. Да, зло должно быть наказано. Но философия каждого жителя этого маленького городка заключалась в том, что никто не любил ворошить прошлое. На то оно и прошлое, чтобы кануть в лету и безвозвратно исчезнуть. Лишь король, который для виду создавал образ деятельного правителя, любил наказывать людей за их прошлые проступки и расследовать уже давно произошедшие убийства. Одно из немногих, что долгие годы всегда оставалось с ним в настоящем - охотой на ведьм.

Узнав о найденных костях, некоторые ужасались и ахали, некоторые замолкали, не в силах осознать шокирующую новость, а некоторые продолжали распространять слух с таким же энтузиазмом, с каким говорят о приезде зарубежных купцов.

Кроме того, народ волновало, кто именно был первоисточником. Кто же посеял это страшное зёрнышко?

Одно было точно ясно: кто-то доложил о чудовищной смерти, чудесным образом раскрывшейся двадцать лет спустя. Доблестная королевская полиция не могла оставить это заявление без внимания, поэтому тут же был собран отряд, проведены раскопки, в результате которых человеческие останки действительно были обнаружены в лесу.

После прибытия Псов, народ окончательно заволновался. Псами называли тех полицейских, которые появлялись непосредственно после приказа короля. Простые люди их не жаловали, это были высокомерные и неприятные личности, которые не просто расследовали преступления, а подозревали всех и каждого. Они проверяли каждый дом и словно настоящие псы-ищейки с помощью своего нюха отыскивали то, что было необходимо.

После проведённых розысков Псы целой стаей наведались в городской монастырь. Их длинные мрачные плащи, черные кожаные перчатки и кислые мины вселяли ужас в простых людей. Заявившись в святое место, они осквернили Господа, как говорили особо верующие прихожане.

- Мы желаем видеть настоятеля, - заявил Пёс встретившему их послушнику.

Юноша быстро удалился, не желая больше никогда в жизни встречаться с этими людьми, от которых мурашки бегут по коже и волосы встают дыбом.

Добравшись до отца Бернарда, который в это время проводил занятие для городских ребят, юноша доложил ему о незваных гостях, которые ждут его около входа. Бернард деликатно извинился перед учениками, и попросил Эриха продолжить чтение Библии вслух. Эрих,

который, конечно же, знал известие об убийстве уже не мог сосредоточиться на Библии, поэтому одно ухо наострил в сторону Псов и отца Бернарда.

Сердце священника колотилось, но на теле не дрогнула ни одна жилка.

- Чем могу быть полезен?

- Нам нужно знать имя совершившего преступление.

- Какое преступление? – спросил Бернард, словно не понимая, о чём идёт речь.

- Не прикидывайтесь, святой отец, - небрежно ответил предводитель Псов, постукивая черной тростью.

- Я уже сказал всё, что мог, - отец Бернард развёл руками.

- Нам нужно имя! - рявкнул один из стаи.

- Задача Псов – искать убийцу, задача священника – хранить тайну исповеди. А теперь извините, меня ждут ученики.

Отец Бернард поклонился и быстрыми шагами возвратился в класс.

«Неужели отец Бернард знает, кто совершил преступление», - промелькнуло в голове Эрика. Он посмотрел на священника вопросительным взглядом, но тот сделал вид, что ничего не произошло, хотя, конечно же, Бернард понял, что юноша слышал его разговор.

Информация о деятельности Псов застала Йозефа, Эмилию и Генриха в таверне, когда они уже доедали свой ужин и почти собирались уходить. Однако обсуждения за соседним столиком заставили их остаться и заказать ещё по кружке эля, чтобы не казаться подозрительными.

Услышав о том, что Псы уже прочесали лес вдоль и поперёк, Йозеф кинул тревожный взгляд на Эмилию. Та ответила тем же. Было понятно – ничего хорошего ждать не придется.

- Говорят, что это священник рассказал королевской полиции! – раздался возмущённый женский голос за соседним столиком.

Генрих невольно наострил уши.

- Быть такого не может, - возразила женщина, нахмурившись и подбоченясь, - уверена, отец Бернард никогда не встанет на эту сторону.

- Да что ты понимаешь! – махнула рукой её соседка.

Генрих вопросительно посмотрел на своих товарищей. Йозеф лишь пожал плечами.

- Не стоит верить всему, что говорят люди, - ласково посоветовала Эмилия, - лучше кушай суп и не бери в голову.

- Но ведь нашли человеческие кости, - растерянно сказал Генрих, - разве это не странно?

- Странно, конечно, но у нас всякое происходит, это нормально, - она снова улыбнулась легкой грустной улыбкой, которой улыбалась уже двадцать лет.

Знакомясь с городом всё ближе и ближе, Генрих стал все чаще и чаще удивляться, как много он ещё не знает, и как много тайн и загадок скрыто на этой территории. Все эти не совсем понятные ему вещи, происходящие вокруг, очень его завораживали, пугали и привлекали одновременно. Однако, пытаясь быть в курсе событий, он всё равно каждый раз оказывался за бортом. Создавалось впечатление, что все люди вокруг понимают каждое слово, каждое действие, лишь одному ему остаются непонятны эти происходящие события.

Сблизившись с Йозефом и Эмилией, они все равно продолжали держать дистанцию, которую молодой человек чувствовал в их молчании, тревожных взглядах и тяжелых вздохах.

«Происходит ли здесь хоть что-то хорошее?» - подумал однажды Генрих, пытаясь вспомнить, когда он последний раз слышал в городе что-то приятное.

Тётушка Тэри постоянно интересовалась его самочувствием и пыталась разузнать, какой болезнью болен её племянник.

- Вот был бы здесь Продавец Кошмаров, он быстро бы вылечил твою хандру, - сказала она, когда в очередной раз застала Генриха поникшим.

- Опять этот Продавец Кошмаров, - вздохнул Генрих, - такое ощущение, что без него не решалось ни одно дело в городе.

- Но, милый, куда же я его дену, если он и правда был важный человек в городе!

Генрих закатил глаза. Этот важный человек не давал ему покоя.

Подумав, что он уже отвёл от себя подозрения, молодой человек твёрдо решил сегодня продолжить чтение рукописей, но читать их среди белого дня было для него слишком рискованно, поэтому он пошёл прогуляться. Люди нынче стали слишком болтливые, того и гляди получится раздобыть какую-нибудь информацию.

Однако далеко Генриху идти не пришлось. Напротив дома он встретил людей, которые никак не походили на обычных горожан. Не было никакого сомнения – заявили люди короля.

- Мы намерены дать каждому жителю сыворотку правды, - донеслось из домика Йозефа, когда Генрих подошел к нему вплотную.

- Боюсь, ничем не могу вам помочь, - деликатно ответил Йозеф, разведя руками.

- Нет-нет, именно *вы* то и можете нам помочь, - не менее деликатно сказал главный Пёс.

- У меня её нет. Король Марк запретил всё, что не подтверждено наукой.

- Единственный закон, - вежливо отчеканил мужчина, - это мы. И вы обязаны ему подчиниться.

- У меня нет сыворотки правды, - невозмутимо повторил Йозеф.

- Если я не ошибаюсь, - Пёс посмотрел какие-то бумаги, - а я не ошибаюсь, вы – сын некоего Продавца Кошмаров, - уголок его губ насмешливо приподнялся, - надо же, даже имени нет, только прозвище.

- Это и есть его имя! – прошипел Йозеф.

Псы легонько захихикали.

- Нас это не особо волнует. У нас есть данные, что ваш отец изготовил для покойного короля Карла сыворотку правды из особых трав, и мы намерены у вас конфисковать все оставшиеся сбережения этого раствора.

- Это вам не поможет, - буркнул Йозеф, - остался всего один флакон. Этого не хватит на *каждого* жителя.

- О, так, получается, вы нам соврали про отсутствие сыворотки, - Пёс нахмурился, - но да ладно, главное, что вы сознались, - он фальшиво улыбнулся. – За её дальнейшую судьбу не волнуйтесь. Мы позаботимся, чтобы придворные учёные изучили её состав и создали подобное в гораздо большем объёме.

Спорить с Псами было бесполезно. Не отдав сыворотку, Йозеф рисковал попасть под подозрение. Он нехотя вошёл в дом, оставив Псов ждать за дверью, нашел флакон с зелёным раствором – *единственным зелёным раствором, который остался у него от отца*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.